МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

МАУП

В. А. Скребец

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие

Киев 1998

ББК 88.4я7
С45
С45 **Скребець В. О.** Екологічна психологія: Навч. посібник.— К.: МАУП, 1998.— 144 с.: іл.— Бібліогр.: с. 140—141.— Рос.

ISBN 966-7312-37-2

У посібнику подано сучасні наукові дані з нової галузі психології — екологічної психології. Це авторська концепція даної сфери наукового знання, що склалась у процесі багаторічного емпіричного й теоретичного дослідження проблеми адаптогенезу екологічної свідомості населення, яке постраждало від наслідків Чорнобильської катастрофи.

Наведено категоріальні узагальнення наявних даних з екологічної психології. Основну увагу приділено відпрацюванню понятійного апарату.

Для студентів МАУП, викладачів, практичних психологів, соціальних працівників, менеджерів.

ББК 88.4я7

В пособии представлены современные научные данные из новой области психологии — экологической психологии. Это авторская концепция данной сферы научного знания, которая сложилась в процессе многолетнего эмпирического и теоретического исследования проблемы адаптогенеза экологического сознания населения, пострадавшего от последствий Чернобыльской катастрофы.

Приведены категориальные обобщения имеющихся сведений по экологической психологии. Основное внимание уделено отработке понятийного аппарата.

Для студентов МАУП, преподавателей, практических психологов, социальных работников, менеджеров.

Рецензенти: *В. О. Моляко,* доктор психологічних наук, професор
В. М. Бровдій, доктор біологічних наук, професор

Відповідальний редактор *А. В. Орєхов*

© В. О. Скребець, 1998
© О. В. Овчинніков (дизайн обкладинки), 1998
© Міжрегіональна Академія управління персоналом (МАУП), 1998

ISBN 966-7312-37-2

Раздел I

ПРЕДМЕТ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Экологическая психология как наука

Экологическая психология (от греч. *oikos* — окружение, среда; *psyche* — душа; *logos* — наука, учение) — наука, изучающая характер и особенности психологических воздействий на человека со стороны природного, социального и антропогенного окружения, связанных с этим психических переживаний, внутренних состояний человека и общества. Как следует из этого определения, область экологической психологии — это не просто отражение среды органами чувств и не просто отношение к окружению, а влияние среды, влекущее за собой изменения комплексного характера — от эмоций и настроений до мотивов деятельности, устремлений, ценностных ориентаций, поступков, предпочтений, волеизъявления. Подобные влияния среды еще недостаточно изучены, поскольку наука, о которой идет речь, находится в начальной стадии своего формирования. В этой сфере научного знания еще нет устоявшихся теорий, концептуальной оформленности понятийного и терминологического аппарата. Однако жизнь к концу XX в. поставила этот специфический круг проблем, а экологическое состояние планеты выдвигает их в ранг приоритетных.

Экологическую психологию нельзя игнорировать, поскольку ее вызывают к жизни нарушение естественного природного баланса жизненного пространства и те проблемы, львиная доля которых связана с пониманием или непониманием происходящего человеком. Хотя, казалось бы, для всех совершенно очевидно, что загрязнение воздушного бассейна, химизация, потепление климата, радиация влияют не только на здоровье, но и на психику.

Факт непосредственного физико-химического и биологического воздействия на людей радиации переживается каждым индивидом по-разному. Фон переживаний будет либо усиливать, либо ослаблять объективное влияние. Изучает такие явления экологическая психология.

Экологическая психология — новое научное направление, складывающееся в обострившейся экологической обстановке конца XX в. на основе интеграции научных знаний смежных социологических, медицинских, философских, психолого-педагогических наук. Экопсихология сама еще нуждается в теоретических исследованиях, разработке собственного понятийного тезауруса, установлении законов развития психики под влиянием экологической действительности.

Особенно актуальна экологическая психология в связи с последствиями аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Без преувеличения можно сказать, что экологическое сознание не в одном поколении людей будет испытывать влияние этих последствий. Психология человека оказалась слишком уязвимой, склонной к развитию морально-упаднических, астенодепрессивных, пессимистических умонастроений. Однако только по истечении доброго десятка лет общество пришло к пониманию того, что наряду с медико-социальной реабилитацией пострадавшего населения столь же злобо-

дневна и необходима психолого-педагогическая, информационная, собственно психологическая поддержка людей.

Следует отметить, что само понятие “экологическая психология” уже в наши дни становится привычным, оно — на слуху у людей, однако в отечественной науке как самостоятельно очерченное направление до сих пор практически не существует. Между тем в последнее время оно интенсивно разрабатывается в Украине и других государствах бывшего Советского Союза, а на Западе уже достаточно выразительно определилось.

Итак, экологическую психологию мы определяем как самостоятельное направление психологической науки, изучающее характер и особенности психологических воздействий на сознание (индивидуальное и общественное) природного, искусственного и социального окружения, а также внутренней среды и психических состояний самого человека.

Данным определением вводятся **три ключевых понятия: сознание** (будем говорить, экологическое сознание, хотя далее дадим отдельное определение этому понятию), **среда** (природная; искусственная — созданная человеком; социальная и внутренняя — биологическая, функциональная, психическая), **психологические влияния** (имеются в виду как односторонние влияния среды на человеческое сознание, так и обратные влияния человека на среду). Исходя из этого рабочего определения, предметом экологической психологии следует считать не само по себе сознание (это предмет общей психологии), а именно экопсихологическое его содержание в контексте взаимодействия человека со средой, разумеется, в активном их взаимодействии, взаимосвязи и взаимовлиянии. Иными словами, предметом экологической психологии является взаимодействие человека с жизненной средой, взаимовлияние, порож-

дающее явления психических переживаний. Если содержательно аккумулировать сказанное, то **предметом экологической психологии становится категория значащих переживаний.**

Понятие “значащие переживания” обсуждалось в начале XX в. в философском направлении экзистенциализма; в отечественной психологии впервые поставлено Ф. В. Бассиным [7] в дискуссии советских психологов начала 70-х годов. Это понятие стало рассматриваться в связи с личностными смыслами (А. Н. Леон-тьев) [17], ценностными ориентациями (А. В. Петров-ский) [26], установками (Д. Н. Узнадзе) [32], другими понятиями направленности личности, выражающими внутреннюю основу ее отношений к действительности.

Объектом исследования экологической психологии является сам человек, а также группы, общности людей. Не природа и не окружающая среда находятся в центре внимания экологической психологии, а то, что в центре человеческого сознания, что занимает разум и затрагивает чувства человека, его переживания относительно экологической действительности, а также он сам в своей жизненной среде. **Объект экологической психологии** не вне человека, а в нем самом, **в** его **чувствах, мыслях и переживаниях, в** его **сознании и подсознании.** В личностных смыслах экологического сознания складываются определенные представления, создаются оценочные критерии, эталоны, модели, суждения, которые так или иначе переживаются и используются в интерпретации объективной действительности. Объективное и субъективное здесь не всегда совпадают и чаще не совпадают. Однако то, что выстрадано, т. е. свое, глубоко личное, индивидуальное, всегда для человека гораздо важнее и дороже, чем то, что существует вне его, т. е. внешнее, пусть и объективное, и очень правильное. Известно, что в истинности объективного все-

гда присутствует элемент сомнения, особенно там, где речь идет об экологии.

Основные **задачи экологической психологии** состоят в изучении, разработке и внедрении средств и методов познания, коррекции и управлении развитием вышеназванных психических явлений экологического сознания, включая цели **формирования экоатрибутивного** (экологически целесообразного) **поведения и деятельности людей.** Решает поставленные задачи экологическая психология посредством создания и разработки специальных информационных, психолого-педагогических, социальных, медико-психологических, административных, хозяйственных, управленческих, иных интеллектуальных технологий с акцентом на ключевом слове "психолого-". Все названные технологии по содержанию являются интеллектуальными, а по форме и организации, принципам реализации все они — педагогические, независимо от того, где используются — в коррекции или экспертизе, в обучении или воспитании и т. д.

Актуальность экологической психологии назрела давно. Это обусловлено прежде всего производственно-экономической и техногенной активностью человека, неуемной тенденцией современной цивилизации к искусственной трансформации естественной, природной среды обитания. А поскольку все это человеком осознается и переживается, **предметом анализа** в экологической психологии **становятся** не столько внешние средовые факторы, сколько их внутренние детерминанты, **психологические "пространства" душевных переживаний** — печалей и обид, раздумий и тревог, а возможно, и радости, любви, восторга. Но — по отношению к тому, что есть вовне. Это значит, что у человека есть собственное видение всего сущего, есть своя субъективная картина мира, свое представление о нем.

Субъективная картина мира также входит в предмет экологической психологии, поскольку закрепляет в образе, чувстве и языке не что иное, как обобщенное отражение "очеловеченной" жизненной среды, т. е. не вообще среды, а среды, соотносимой с человеческими нуждами, интересами, потребностями. Возьмем, к примеру, слово "дом", т. е. "жилище". Это обобщенная форма понятия о том, где живут. В зависимости от потребностей и обстоятельств жизнедеятельности под домом можно понимать и скромную городскую квартиру, и особняк или виллу, коттедж, пещеру, хижину, дворец. Все это подходит для жилья. Однако, если это жилище приятно нам психологически и "встроено" в наш образ жизни, то мы будем чувствовать себя "дома", т. е. уютно, и в хижине, и в царской палате, и в скромной квартире. Пространство квартиры, мебель и интерьер оказывают психологическое влияние на людей всегда, но особенно ощутимо тогда, когда обретают личный психологический смысл, субъективную значимость: после трудового дня, трудного экзамена, длительной командировки и т. д. В эти часы интерьер жилища, социальное пространство семьи, близкое и родное окружение оказывают сильное восстановительное влияние. Но если интерьер не "по душе" и создавался он по принципу "чтобы не хуже, чем у других", а в семье нервозные, сухие или грубые отношения, то человек, расслабившись, попадает в западню.

Человек всегда стремится переделать среду своего обитания так, чтобы она максимально устраивала его психологически. Подобные вмешательства в естественную среду продиктованы исключительно благими намерениями. Но природа стала исправлять, компенсировать наши поправки ответными действиями. Пожалуй, можно сказать, что экологическая психология людей — та, что сложилась на сегодня, — неадекватна их действиям.

Она примитивна, не позволяет даже задумываться о том, что в экос (от греч. *oikos* — окружающая среда) грубо вторгаться нельзя, как и нельзя обмануть природу.

Век научно-технической революции стер в сознании "человека-властелина" чувство причастности к своим природным корням, подавил глубинное переживание сути этого явления. Экология значится где-то на уровне понятий и представлений, а не в душе и чувстве. А ведь так не было прежде. Объяснить эти вещи важно, однако еще важнее найти пути преобразования представлений об экологии из внешних, знаемых, во внутренние, личные, психологически значимые. Экологическая психология в конечном итоге призвана решать задачи "внедрения" экологической категории в психологическую сущность индивидуального и общественного, массового сознания, чтобы выступала она во всех и в каждом на уровне личностных смыслов. Понятие "экология" из абстрактного и отвлеченного представления должно занять надлежащее ему психологическое пространство в сознании и чувствах людей. Поэтому экологическая психология, решая свои практические задачи, призвана изучать закономерности становления и развития экологического сознания людей.

Теперь становится очевидным, что **основным предметом** экологической психологии **является индивидуальное и массовое, общественное сознание экоценностной ориентации**, а также культурно-исторический опыт, который накапливается и реализуется поколениями людей в их отношении к природной, искусственной и социальной жизненной среде.

Экологическое сознание не может быть идеологизированным, оно может быть более или менее полным, более или менее зрелым, более или менее действенным. Единство воззрений планетарного экологического сознания восходит к биологической природе человека.

Доминанта социального в происхождении человека из-за опасений критики биологизаторства отодвинула на задний план природную сущность человека, потому что в советской психологии многие десятилетия культивировалась материалистическая мировоззренческая парадигма научного знания. Естественного, натурального и природного, собственно биологического и живого в человеке мы стали стесняться, отторгали на периферию сознания, оставляли в тени. Биологические потребности относили к низшим, а среди высших обсуждали социальные, духовные, интеллектуальные, культурные. Но вряд ли вторые, или вторичные, т. е. духовные потребности, являются более значимыми для жизни человека, чем "примитивные" потребности в пище, жилище, продолжении рода и т. п. Их просто нельзя сопоставлять. Экологическая психология призвана не только признать, но и возродить примат биологического в природе человека, поддержать сохранение и воспроизведение самой жизни, всего сущего в этом мире, в том числе человека и человечества в целом. Вначале надо жить. Но чтобы понять эту простую истину, современной цивилизации понадобилось встать перед неотвратимой угрозой самой жизни. Только после этого она стала бить тревогу.

Но проявлять тревогу и озабоченность по поводу самосохранения — это еще не экологическое сознание, это не "чувство природы", это лишь осознание угрозы, состояние растерянности, инстинктивного, неупорядоченного сопротивления глобальной экологической катастрофе.

Сейчас "венец природы" подрастерялся, но не потерял еще своей былой уверенности в необходимости вмешательства в нее. Он просто пытается сориентироваться по-новому, а значит, может еще наделать много бед, если не попадет под влияние экологической психологии. Экологическая психология как наука и учебная

дисциплина в этих условиях должна как можно быстрее состояться, чтобы предотвратить дезэкологические умонастроения, которые будут искать и находить ложные пути экоспазмогнозиям, когнитивным и установочным артефактам, исходящим от недооценки степени экологического неблагополучия в природе. Сегодня нет альтернативы экологическому просветительству, экопсихотерапевтической работе с обыденным, хозяйственным, управленческим сознанием.

Экологическая психология работает с сознанием, отражающим условия существования, личностные отношения, когнитивные смыслы. Здесь уместно использовать понятие "личностный конструкт" Дж. Келли [38], расширив его до рамок экологической проблематики. Личностный конструкт экологического сознания создает образные, оценочно-критериальные эталоны, модели, представления, посредством которых осуществляется понимание соответствия средовых условий условиям биологически и психологически приемлемых форм существования. Личностный конструкт экологического сознания отражает характер перцепции (чувственного восприятия) окружающего мира и внутренних переживаний, а также обеспечивает их сопоставление на предмет соответствия адаптивным паттернам психических состояний (подавленность, оптимизм, тревога и т. п.).

Концептуально-методологической основой в изучении экологического сознания может служить **психология субъективного образа**, которая интенсивно разрабатывается в последние десятилетия [5, 18, 31]. На основных теоретических положениях психологии образа мы остановимся отдельно.

Итак, экологическая психология — сложная и самостоятельная область прикладной психологии и, как всякая наука, имеет свои задачи, предмет и объект иссле-

дования, вступает в тесные взаимосвязи со множеством других научных дисциплин: психологией, социологией, философией, педагогикой, историей, правом. Важны для нее и научные достижения естественнонаучных дисциплин, которые объясняют законы существования органического и неорганического мира, наук медико-биологического цикла, агротехнических наук и др. Трудно назвать такую область знаний, с которой экологическая психология не находилась бы в прямых взаимозаинтересованных отношениях.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Экологическая психология — одна из наиболее актуальных проблем современной цивилизации. В чем это выражается?
2. Что является предметом и объектом исследования экологической психологии?
3. В чем состоят задачи экологической психологии?
4. При каком условии проблемы экологии становятся предметом экологической психологии?

1.2. Понятия и принципы экологической психологии

Категориальный аппарат экологической психологии — система понятий, в которых отражаются предмет, объект и основные задачи психологической науки об экологии, ее знания, методы и научные проблемы относительно такой реальности, которой является экологическое сознание. Категориальный аппарат экологической психологии, судя по публикациям [5, 18, 25, 28, 30], находится в стадии становления и разработки. Строится он на познавательных принципах теории отражения [17, 28]. Вполне естественно, что категории, за-

коны и принципы психологической науки используются в этом процессе в качестве основополагающих [17]. Вместе с тем, категориальный аппарат экологической психологии по содержанию, системно-логической организации, уровням познания и психосоциальной феноменологии должен обозначать новую область научного знания, где на первый план выступают проблемы экологии в своеобразной форме психического отражения человеком своей жизненной среды. Поэтому экологическая психология, как и другие науки, широко использует философские понятия [9, 21], применяет терминологию медицины и педагогики [20, 16, 14], социологии [15, 30], этики и эстетики [15, 9, 7], а вместе с тем создает собственную разветвленную сеть понятий и представлений типа "экологические натурнализации", "совметральные" и "совмиссийные" экодиспозиции, "экосентенции" и др.

Совершенно очевидно, что в таком важном деле, как разработка тезауруса и глоссария новой отрасли исследований, не обойтись без научных дискуссий, однако практика не ждет, а побуждает использовать "рабочие" варианты терминов в решении актуальных проблем экопсихологической действительности, в частности, тех, которые связаны с последствиями Чернобыльской катастрофы.

Бытовое сознание спонтанно породило понятие "чернобыльский синдром". И хотя это понятие собственно психологическое, специалисты-психологи еще не осмыслили и не объяснили его достаточно полно. Требуют изучения и понятия "экологическое сознание", "экологическое мышление", которые широко употребляются в обыденной практике и в печати. Следует здесь отметить, что и сознание, и мышление, как и другие психологические явления, не преобразуются и не "перерождаются" в своем значении от сочетания их с

термином “экологическое” в категории экологии, экономики или политики (как, например, горбачевское “новое политическое мышление”). Если обыденное сознание может устраивать подобная реверсивность специальных понятий, что делает их расхожими, то экологическая психология никак не может удовлетвориться этим и пытается понять ту сущностную основу сознательной деятельности человека, благодаря которой она интенциирована экологическим смыслом.

Трудности создания и развития экологической психологии как новой отрасли психологической науки состоят прежде всего в формировании понятийного аппарата и концептуального ее строя. Это — фундамент любой науки, и создается он годами, десятилетиями, а возможно, и тысячелетиями. Издавна закладывался и понятийный фундамент экологической психологии. От древних мифов и легенд, сказок и былин, поговорок и притч доходят до нас представления экологического сознания наших предков.

Если внимательно всмотреться в исторические представления как в **прообразы экопсихологических понятий**, то можно выделить в них четыре существенных элемента:

1) ценности;
2) отношения;
3) правила или нормы организации отношений;
4) понятия как формы организации опыта.

Ценности, отношения, правила и опыт наполняли экологическое сознание людей даже в древнейшие времена. Давайте рассмотрим это более детально.

Ценности в архаическом экологическом сознании выделяются как такие, которые имеют важное значение для удовлетворения базовых потребностей жизнедеятельности. Это не только принципиальные, самые значимые, но и самые существенные для жизни категории.

Синтезируясь в представлениях людей, они отражают конкретный, определенный образ жизни. Чаще всего проецировались такие представления (понятия) на предмет верований, ожиданий, табу, поклонений либо угроз и опасений. Содержательно складывались они в те или иные представления человека о себе, своем окружении, родной природе и о том, что, откуда и как произошло.

Отношения учитывают взаимную или одностороннюю связь причинно-следственного характера. Центральное место в такого рода отношениях занимал сам человек, однако такое же активное начало приписывалось и природным явлениям. Отношения упорядочивались правилами, нормами, регулирующими поведение в соответствии с ценностями культуры. Отсюда христианские заповеди: “не убий” — норма сохранения жизни, “не прелюбодействуй” — норма сохранения супружеской верности, “чти отца своего и мать свою” — норма отношения к старшим, опытным, мудрым и т. п.

Понятия в древнем экологическом сознании выступают как обобщенные и синтезированные в языке конструкты опыта людей. Благодаря понятиям упорядочивался опыт, вырабатывалась определенная культура ценностно-нормативных отношений.

Как видим, ценности и нормы, правила и отношения в составе упорядоченного опыта входили в “понятие” древних (выражение “не иметь понятия” означало “не иметь опыта”). До сих пор такое выражение можно встретить у пожилых людей. Итак, благодаря понятию не требовалось каждый раз искать форму действия, ориентироваться на ожидания или санкции, а можно было поступать уверенно, достигая конкретного результата, поскольку он уже многократно был проверен предшествующим опытом и закреплен в понятии.

Помимо существовавшей в древности перцептивно-ориентировочной функции понятия, **современное представление** о нем выделяет и другие стороны, связанные с обобщающей его сущностью.

Согласно современным представлениям в каждом понятии (научном или житейском) выделяют три звена, или три критерия, которые характеризуют определяемое явление по полноте, точности и обобщенности.

Критерий полноты определяемого понятия характеризуется тремя уровнями: предметной отнесенностью, значением и смыслом. **Предметная отнесенность** обозначает ту категорию или класс явлений, к которой определяемое явление по праву принадлежит. **Значение** понятия отражает сущностную, главную, а не второстепенную или видимую, внешнюю сторону явления, которое определяется понятием. **Смысл** — это контекстуальная включенность понятия, предмета или явления в какие-то обстоятельства, и через эту включенность определяется либо уточняется сущность определяемого.

Все три уровня одинаково важны при определении понятия, и только тогда оно представлено достаточно полно, когда характеризуется с позиций всех трех критериев.

Если в определяемом понятии используется только смысл, то очевидно, что понятие не раскрывается по существу, а лишь обозначается. Этот уровень мы называем уровнем ситуационной сигнификации (лишь обозначения, указания на предмет), а не определения его понятием.

Вторым критерием в определении понятий выступает **критерий точности**. Под этим критерием подразумевается качество исходных предпосылок, которые используются в основе представлений об определяемом предмете, событии или явлении. Здесь также выделяем три уровня: **научное представление, эмпирическое представление** и **представление, основанное на до-**

гадке. Разумеется, последний случай — не из лучших для научного анализа и понятийного мышления, однако и он может иметь свою ценность, если не противоречит логике здравого смысла и способен стимулировать дальнейшее исследование описываемого феномена. По содержанию практически все понятия в экопсихологии объясняются нами исходя из научных представлений, основанных на объективных данных научного знания если не экопсихологии, то смежных научных дисциплин. Такие представления в понятиях доказательны и аргументированны. Не исключается (и мы также к нему прибегаем) толкование эмпирических представлений, основанных на житейском опыте, разрозненных наблюдениях обыденного сознания. Такие представления (подобно ответам иного студента) не отличаются глубиной анализа и не проникают в глубинную сущность явления, поскольку используют преимущественно внешнюю картину мира.

Третий критерий — **критерий обобщенности** определяемых понятий — указывает на степень аналитико-синтетической обработанности или осмысленности того, что определяется. Здесь также выделяем три уровня: **ассоциативно-аналоговое умозаключение, систематизация** и **теоретическое обобщение**. Уровень **ассоциативно-аналоговых умозаключений**, или простых ассоциаций, применяется тогда, когда объективная информация о явлении на момент его осмысления не позволяет проникнуть вглубь его по полноте и точности, а проявляется лишь эмпирико-ситуационной формой существования. Аналоговое умозаключение позволяет работать с понятием на уровне той самой (что и в первом критерии) смысловой сигнификации (обозначения, называния, представления, т. е. репрезентации по внешним, видимым признакам), а не на уровне глубинно-сущностной характеристики. В таком случае посредст-

вом простых аналогий выявляется частичное сходство без достаточного обсуждения и понимания других обстоятельств. При этом признаки определяемого явления если и называются, то часто лишь номинально, предположительно.

В отличие от ассоциативно-аналогового умозаключения, при **систематизации** определяемых понятий используется аналитико-синтетический план обобщений, когда в понятии наряду с категоризацией обозначается расположение предметов или явлений в определенном порядке (последовательности) или(и) представляется порядок зависимости одного понятия от другого в соответствии с объективно существующими между ними взаимосвязями. В таком определении понятий прослеживается оперирование главными, сущностными компонентами и признаками, свойствами. Объяснения в таких случаях упорядоченны, логичны, последовательны.

Третий уровень — уровень **теоретических обобщений** — характеризуется тем, что в определениях суждения и умозаключения строятся от известных науке общих положений, закономерностей и правил к объяснению частных (описываемых) случаев. Это дедуктивный путь теоретических умозаключений. Он широко используется в науке и всегда весьма продуктивен, особенно в начальной стадии развития, отпочковавшихся дочерних направлений. Поэтому экологическая психология активно применяет дедуктивные обобщения от смежных научных дисциплин как для обозначения проблем, так и для объяснения явлений, определения своих понятий. Второй путь теоретических умозаключений — индуктивный, когда идут от сбора и накопления фактов, частных случаев, исследования форм и разнообразия конкретных ситуаций. Для экологической психологии на данном этапе ее развития он может быть одним из основных, поскольку новая область научных знаний еще не изоби-

лует богатой феноменологией. Нужны конкретные и многоплановые исследования, чтобы от частных случаев можно было идти к общим заключениям о сущности изучаемых явлений.

Названные принципы и критерии использованы нами в освещении основных понятий экологической психологии, они же применяются автором в развитии понятийного мышления студентов и служат основой для оценки их знаний.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каково состояние разработанности понятийного аппарата экологической психологии к концу XX в.?
2. Какие источники формирования основных терминов и понятий используются в экологической психологии?
3. Что означало слово “понятие” в древние времена?
4. Какие требования предъявляются к определяемым понятиям на современном этапе?
5. Охарактеризуйте структурно-содержательное строение научного понятия.

1.3. Объективное логико-диалогическое знание и эмоция в экологической психологии

Экологическая психология обязана использовать не просто знание, а знание активное, убедительное, способное воздействовать на сознание и чувства человека. Такое знание должно быть не только доказательным, не только объективным, но и субъективно значимым, не только интересным, но и волнующим.

В работе с экопсихологической информацией следует иметь в виду как логические, так и эмоционально-чувственные психологические механизмы восприятия.

Логическое доказательство включает в себя **три** взаимосвязанных **элемента**: тезис, аргументы и демонстрацию, или способ рассуждения. Любая информация может исходить либо от фактов, либо от мнений, хотя одна и та же информация может быть представлена как фактами, так и мнениями. При работе с информацией в экологической психологии важно разводить, разграничивать факты и мнения.

Факт — это действительное, невымышленное явление, событие, то, что произошло на самом деле. **Мнение** — это суждение, выражающее оценку, взгляд на что-либо. Факты существуют сами по себе, на мнения влияют социальные установки, личностные ориентиры, особенности характера, психические состояния, образование, общая осведомленность и многое другое. Мнения могут быть предвзятыми, необъективными, ошибочными.

В экопсихологической практике часто используют доводы. Доводы, или **доказательства**, могут быть прямыми и опосредованными, или косвенными.

Косвенное доказательство предполагает обоснование истинности тезиса посредством опровержения противоречащего положения. При прямом доказательстве тезис обосновывается аргументами без помощи дополнительных построений.

Факты являются более надежными аргументами, к мнениям же необходимо относиться критически.

В экопсихологическом взаимодействии всегда нужно учитывать, с каким уровнем сознания предстоит "работать": на уровне научно сложившегося мировоззрения или на уровне здравого смысла обыденного сознания. "Работать" опять же на что — на доказатель-

ство или на убеждение в чем-то. Иногда требуется переубедить человека или группу людей, которые имеют твердые, но ошибочные или предвзятые мнения.

Доказательство и убеждение — это разные процессы. Доказывать — означает устанавливать истинность информации или сообщения, а убеждать — вселять уверенность, создавать впечатление, что истинность доказательства не вызывает сомнений, обращать людей в единомышленников. Логически правильно выстроенная, правдивая и точная информация может никого ни в чем не убедить. И в то же время могут убеждать простые рассуждения, основанные не на доказательствах, а на предрассудках, на неосведомленности людей, на вере в авторитеты или, напротив, на недоверии к ним. Иными словами, можно что-то доказать, но не убедить, можно убедить не доказывая, а можно и доказать, и убедить.

Дело не в количестве доводов, а в их качестве. Поэтому различают доводы сильные и слабые.

Применение доводов определяется целями экопсихологического взаимодействия. Цели могут быть разные: просто дать сообщение, проверить сообщением истинность какой-то мысли или мнения, завязать полемику, убедить или переубедить кого-то в чем-то, доказать и изменить чье-то мнение, снять или вызвать затруднение по поводу какого-то вопроса.

Преследуя цели формирования экологического сознания, нельзя обойти и принципиальные вопросы принятия нового знания человеком. При этом следует помнить, что достичь успеха “извне” невозможно, если экологическое самосознание конкретного индивида не будет готово воспринимать предлагаемые ценности, новые экологические ориентиры или отношения к ним. Необходима соответствующая настроенность, которую каждый создает в себе сам.

Механизмы психологической настроенности имеют свои правила и по сути своей не терпят ускорения, давления, штурмовщины. В этом деликатном деле индивидуальное сознание требует и должно пройти все **стадии работы с новым**: непроизвольного, а затем вполне отчетливого и осознанного отрицания новых идей, внимания и интереса к ним с применением их на практике, сравнения и приближения — так называемого психологического "поглаживания" — и, наконец, принятия либо отрицания.

Если на каком-то этапе новое не проходит, то ему не судьба быть "своим", оно становится "чужим", т. е. еще на пороге сознания всегда будет отторгаться — явно или неявно, дипломатично или открыто оспариваться. Внешние проявления этого могут быть малозаметны, но суть такого взаимодействия с новым в его "поглаживании" и упрямой, почти инстинктивной защите прежних своих убеждений. Со временем подобная самозащита может ослабевать. Хотя прием "поглаживания" нового может успешно использоваться и для маскировки истинной работы самосознания по его усвоению, и для косвенного уклонения от предлагаемого, но в любом случае он должен состояться. Опыт показывает, что ускорение или давление на этой стадии работы сознания с новым дают, как правило, негативные результаты: отторжение, невосприятие или даже активное нежелание постичь предлагаемое.

В экопсихологическом контексте стадию "поглаживания" можно и даже целесообразно затягивать, удлинять, обеспечивая при этом не столько логическую, сколько эмоционально-чувственную поддержку. Рациональное и эмоциональное в логико-диалогическом контексте экологической психологии составляют, как, впрочем, и в природе, органическое целое.

Обратимся (тезисно, конспективно) к анализу роли и **значения эмоционального в экопсихологическом контексте**.

Род человеческий своими естественными возможностями жизнедеятельности, не говоря уже о диапазонах адаптации, обязан тому, что с появлением и развитием психики раздражимость дополняется чувствительностью [17]. В допсихическом отражении приспособляемость живых организмов к условиям существования обретала целесообразность исключительно за счет раздражимости. **Раздражимость** — это способность живых организмов (например, растений) отвечать на средовые воздействия, имеющие для них биологическое значение, оставляя без ответа индифферентные (абиотические) воздействия. За счет раздражимости белковые молекулы положительно реагируют на питательные вещества, отрицательно — на сильные механические и химические воздействия и не реагируют на воздействия, не участвующие в обмене веществ.

Со временем появляется способность реагировать не только на биотические (биологически важные), но и на индифферентные раздражители, если они указывают на связь с биологически значимыми свойствами среды. **Способность** или свойство живого организма отвечать на биологически индифферентные воздействия, указывающие на связь их с жизненно значимыми обстоятельствами, получила название **"чувствительности"**. С появлением чувствительности несоизмеримо расширяются возможности живых организмов ориентироваться в изменчивых условиях существования. Дорецепторные гедонистические переживания являются механизмами регуляции активности уже у самых простейших организмов. Вначале была эмоция [10].

В психологии принято считать чувствительность прообразом эмоциональной сферы [1, 10, 28]. Первичные

формы чувствительности, преобразуясь филогенетически в эмоциональные структуры более высокой организации, не теряют, а напротив, развивают адаптивные возможности, усложняются, дополняются, т. е. изменяясь качественно, вместе с тем сохраняют свои первоначальные функции [17, 20].

Эмоции непосредственно связаны с жизнедеятельностью человека. Сопровождают практически все его проявления, присутствуют в каждом психическом процессе. Познавательные и эмоционально-мотивационные проявления едины. По словам С. Л. Рубинштейна, "эмоциональные моменты чувства, выражающего в субъективной форме переживания, отношение человека к окружающему, включаются в каждый интеллектуальный процесс и своеобразно его окрашивают" [28, с. 347]. В объективной психологии соотношение эмоциональных и интеллектуальных процессов рассматривается в их единстве, где исходным элементом есть эмоциональное начало.

Воплощаясь в высших психических функциях, представлениях и образах, в абстрактно-логических формах мышления, первичная роль эмоции — оценочная — не упрощается и не замещается логическим содержанием, а усложняется, дополняется и совершенствуется им, обретая смысл личного отношения. "Эмоция, — как замечает В. К. Вилюнас, — может быть даже превосходит по своему значению компонент интеллекта" [10, с. 6]. Если в процессе мышления предметы и явления отражаются в виде образов, а операции опосредуются понятиями, то в эмоциональном постижении действительности объекты не "познаются", а "чувствуются", выступают в виде эмоциональных переживаний. Эмоциональная связь с действительностью ближе и короче, поскольку суть отражаемого заключается не в каких-то признаках, а в сигнале тональности воспринимаемого образа, в ин-

дивидуальном, личностном к нему отношении. Психологический механизм эмоционального отражения описан у Л. М. Аболина [1]. Он истолковывает эмоциональный гнозис (от греч. *gnosis* — познание) с выделением в переживаниях объективной действительности, с одной стороны, и субъективного “я” (“я” и “не-я”) — с другой, с учетом соотнесенности субъективного опыта (знания, интересы) и формированием собственного отношения к реальной ситуации. Автор буквально имплицирует в эмоции категорию самого сознания. Вероятно, в этом есть резон: с сознанием эмоции еще более родственны, чем с мышлением. Об этом свидетельствует функциональная преемственность эмоций в сфере сознания.

Эмоции, будучи в филогенезе первыми, не упраздняются при возникновении сознания, а лишь по мере его развития отходят на второй план, вовлекая в сферу своего влияния преимущественно подкорку (глубинные уровни подсознания). Из этого следует, что роль эмоций в сознании второстепенна, однако в напряженных ситуациях эмоции “срабатывают” первыми и сами по себе. Неправомерно поэтому сводить роль эмоций лишь к признанию их влияния на психику, важно учитывать еще и то, что эмоции не просто связаны с познавательными или волевыми процессами, но и являются их обязательными регуляторами, сливаются с ними. Эмоции осуществляют оценочную и регуляторную функции в субъективном отношении человека к действительности.

Характерная особенность регуляторной функции эмоций заключается в том, что они могут оказывать как положительное (организующее), так и отрицательное (дезорганизующее) влияние.

Положительное либо отрицательное **влияние эмоций на деятельность** зависит от насыщенности эмоциональных состояний, от их качественной характери-

стики и от степени сложности деятельности. Как слабый, так и сильный уровень эмоциональной мотивации ухудшают деятельность, — необходим оптимальный уровень эмоционального напряжения.

При низком уровне эмоционально-мотивационного возбуждения недостаточная продуктивность деятельности объясняется малой вовлеченностью адаптационных резервов. При высоком уровне эмоционального напряжения, к тому же негативного содержания, поведение характеризуется пассивностью, общей подавленностью, скованностью, замедленностью психических процессов или повышенной суетливостью, нервно-психической несдержанностью, раздражительностью. Дезорганизуются сложные функции целенаправленных форм поведения, их оценка и предвидение событий. Наблюдается также тенденция к понижению устойчивости психических процессов.

Подобное поведение людей, напоминающее состояние эмоционального паралича, описано в работах В. А. Моляко [23, 24]; оно наблюдалось им как массовое в первые дни после Чернобыльской катастрофы. Экоэкстремальные ситуации, видимо, могут обострять до запредельных уровни эмоционального возбуждения, вызывать блокаду перцептивной, интеллектуально-мнестической и волевой сфер личности, провоцировать тревогу, страхи, чувство отчаяния даже при сохраненной деятельности интеллекта. В свою очередь, психика в своем отражении среды, в принципе, располагает колоссальными резервами для позитивной, “мягкой” психоэмоциональной стимуляции тонизирующего характера. Отсюда следует, что одной из задач экологической психологии являются поиск и реализация этих резервов.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Какова роль объективного знания в экологической психологии?
2. Чем отличается факт от мнения?
3. Какими могут быть доказательства? Из чего складывается доказательство?
4. В чем разница между доказательством и убеждением?
5. Что нужно для того, чтобы переубедить человека в чем-то? Какие стадии проходит индивидуальное сознание в принятии нового?
6. Какая форма психической регуляции поведения и деятельности наряду с рациональным началом в человеке заслуживает внимания экологической психологии?
7. Что такое “раздражимость” и “чувствительность”, и чем отличаются эти понятия?
8. Какова форма психического отражения филогенетически предваряла появление эмоциональной сферы человека?
9. Какова роль эмоций в жизнедеятельности человека?
10. Как соотносится эмоциональное и рациональное в естественном адаптогенезе человека к условиям своего существования? Что из них первично?
11. Какие воздействия могут оказывать эмоции на деятельность человека?
12. Каковы адаптивные возможности эмоций в экоэкстремальных ситуациях?
13. Почему экологическая психология ориентируется не только на рациональное, но и на эмоциональное в человеке?

Раздел II

КАТЕГОРИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ — КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Если **экопсихология** — наука о психическом отражении природной, социальной и духовной жизни человека в реальных экологических условиях, то предметом ее, как уже отмечалось, является индивидуальное и общественное (массовое, групповое) сознание в отражении природной, искусственной и социальной среды, биологической, психической и социальной его составляющих. Объектом анализа здесь становятся поведение и деятельность включенных в экологическую конкретику бытия человека и общества. Поэтому в экологической психологии изучаются закономерности формирования и развития экологического сознания людей, происхождение и формы проявления экологических стереотипий, биологические, социальные и психологические корни экологического мышления, мотивация экоатрибутивного поведения и т. п. Содержание экопсихологических исследований большей частью должно ориентироваться на обыденное сознание, как наиболее распространенное и массовое.

В обыденном сознании людей помимо психологической сущности, стиля и образа жизни так или иначе

представлена и экологическая сущность, или экология. **Экология** — область научного знания о закономерностях связи живых организмов с окружающей средой. Центральной категорией экологии является понятие экосистемы, которая сложилась в процессе длительной эволюции и пребывает в динамическом балансировании биологического с неорганическим и сама является важным регулятором экологического равновесия. Обыденное сознание, как правило, не особенно вникает в закономерности этого равновесия, однако стихийно-разрушительный стиль отношения к экологии, получивший губительные формы совметральности (покорять, подчинять природные ресурсы и стихии), заострил проблему разумного вмешательства человека в природные системы, разумного взаимодействия общества и природы. Не только научное мировоззрение, но и обыденное сознание проникается остротой обозначенной проблемы. Разобраться в этом также входит в задачи экологической психологии.

Обыденное сознание — преимущественно эмпирический уровень отражения внешнего мира. Оно формируется на почве эмпирического (житейского) познания явлений и включает в себя совокупность чувств и переживаний, эмоций и представлений, в которых отражается отношение людей к конкретной и естественной форме своего бытия. В обыденном сознании могут иметь место отдельные идеи аналитического и абстрактного содержания, однако оно связано главным образом с конкретикой общественного, группового и личного опыта людей. Поэтому обыденное сознание представляет собой совокупность представлений, знаний, установок, мнений и стереотипов, основанных на непосредственном повседневном опыте людей. Обыденному сознанию не чуждо в какой-то мере и научное познание мира, однако оно не наполняет его своим содержанием. И если на

уровне обыденного сознания интересуются научными данными, то они воспринимаются не системно, а только как факты. Отсюда становится понятной ошибочность, иногда поверхностность, а иногда удивительно точная интуитивность, наивность, видимая логичность и убежденность суждений на уровне обыденного сознания. Обыденное сознание удовлетворяет человека на уровне бытовой, повседневной жизни и выступает в обычных условиях как достаточный эквивалент удовлетворения познавательной потребности. Следует признать, что в обыденном сознании есть много рационального, что многократно фиксировалось и закреплялось в образовании характерных связей и получало отражение в объяснениях и толкованиях, традициях, мифах, народной мудрости. Вместе с тем, в отличие от научного познания мира, обыденное сознание может фиксировать иллюзорное, внешнее, несущественное и способствовать сохранению, укоренению предрассудков, суеверий, заблуждений. Хотя обыденное сознание и не проникает в сущностные связи, оно все же способно делать выводы, удовлетворяющие повседневную практику. Реализуется обыденное сознание в виде чувств, эмоциональных переживаний, бытовых, большей частью поверхностных, суждений, очевидного здравого смысла.

Здравый смысл обыденного сознания — совокупность общепринятых, часто неосознаваемых, но целесообразных способов отражения и оценки природных, социальных и других явлений. Как категория обыденного сознания, здравый смысл суммирует значимые, необходимые человеку в его повседневной жизни накопления эмпирически и исторически доступного опыта. В здравом экологическом смысле отражаются представления, касающиеся взаимодействий с природой, — экосентенции, ощущения экозащищенности или эконезащищенно-

сти, различного рода экодоминанты, натурнализации и т. п.

Поскольку в здравом экологическом смысле обыденное сознание кумулирует как экологические, так и психологические тенденции повседневного и исторического опыта, экологическая психология должна использовать его критично, перерабатывая, подвергая анализу, упорядочивая и дополняя научным содержанием все, что стихийно складывается. Особо интересной и значимой проблемой экологической психологии может стать изучение экологических стереотипий общественного сознания, которые недостаточно исследованы как в общей, так и в социальной психологии.

Для экологической психологии понятия "экология", "психология", "обыденное сознание" и его "здравый смысл" представляют особый интерес, поскольку являются источниками, из которых черпает свое содержание экологическое сознание. Их соотношение и предметное влияние на формирование экологического сознания еще надлежит исследовать, однако определим понятие, опираясь на те знания, которые существуют сегодня.

Экологическое сознание — высший уровень психического отражения природной и искусственной среды, своего внутреннего мира, рефлексия относительно места и роли человека в биологическом, физическом и химическом мире, а также саморегуляция данного отражения. *Экологическому сознанию присущи все признаки сознательной деятельности человека вообще с той лишь разницей, что оно* **инициировано экологическим содержанием.**

Экологическое сознание выступает как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и мысленных образов, непосредственно отражаемых и аналитически создаваемых экологически значимых представлений о категориях и явлениях, непосредственно наполняющих индивидуальный либо общественный экологический

опыт, который предвосхищает экологическую практику. Экологической психологии еще предстоит изучить происхождение, структуру, формирование как индивидуального, так и общественного экологического сознания.

Индивидуальное экологическое сознание уникально, но не произвольно, а обусловлено внешними по отношению к сознанию и независимыми от него экологическими факторами, преломленными сквозь призму внутреннего мира человека. Оно включает в себя ценности, личностные смыслы, доминирующие установки, социальные стереотипы, личные желания, стремления, т. е. все многообразие психических процессов, личностных свойств и состояний.

В структуре **общественного экологического сознания** представлены обобщенные суждения, идеи, представления и стереотипы, отражающие отношение больших социальных групп или общества в целом к явлениям и проблемам экологии. Общественное экологическое сознание возникает как продукт обобщенного видения назревших и требующих разрешения экологических проблем. Индивидуальное экологическое сознание не лишено внутренних противоречий, но в отношении к тем или иным экологическим проблемам оно однозначно и определенно либо амбивалентно (безучастно), в то время как общественное экологическое сознание проявляется в сопоставлении, иногда в столкновении различных взглядов и позиций, в одобрении, поддержке или отрицании и осуждении складывающихся, как и привычных, форм суждения, линий поведения, норм. Но и общественное, и индивидуальное экологическое сознание по своей сущности причастно, а значит, мотивированно, эмоционально окрашено, направленно и всегда отличается активностью.

В изучении и понимании экологического сознания (в отличие от сознания в общей психологии) следует иметь в виду по меньшей мере **два** возможных **методологических противоречия**. С одной стороны, все психологические явления в экологическом сознании так или иначе рефлексируются самосознанием, в том числе и те, которые потенциально находятся в области бессознательного, поскольку проявляются они в поведении и деятельности, а значит, обнаруживают себя там и опосредованно становятся достоянием того же обыденного сознания или научного мировоззрения (тонкости этого еще надлежит экспериментально уточнять). С другой стороны, обыденное сознание может лишаться собственно экологического содержания, когда фиксируются поступки, а не результаты действий (имплицитная форма экологического сознания). Нередко в обыденном сознании происходит смещение смыслообразующих мотивов при фиксации результатов без учета самих действий, когда экологическое сознание неправомерно отождествляется с какой-либо хозяйственной, социальной, иной практической деятельностью, с которой непосредственно связано.

Сознание, как высшая форма психического отражения, по К. К. Платонову [26], интегрирует все предшествующие ему формы отражения (физическое, химическое, этологическое, т. е. инстинктивное, индивидуальное и общественное) с учетом саморефлексии, организующей поведение. Экологическое сознание реализуется в структуре складывающихся отношений человека с окружающей средой, обусловливает и детерминирует поведение и деятельность на основе саморефлексии (знания своего знания, своих возможностей, идентификации вербального, мысленного и реального планов), управления и коррекции. Реализуется оно критичностью

в контроле за реализацией программ взаимодействия человека с природной, искусственной и социальной средой.

Экологическое сознание имеет социокультурный характер, формируется филогенетически, закрепляется в культурно-историческом опыте человечества и усваивается индивидуально в процессе онтогенетического развития. Индивидуальное экологическое сознание дополняется и субъективной практикой экологического взаимодействия конкретного человека в процессе жизнедеятельности, отражая ту среду, реальное окружение, в котором живет индивид.

В структуру экологического сознания входят как чувственные, так и рациональные атрибуты социального культурно-исторического опыта (социальная регламентация, орудийная и знаково-символическая опосредованность), субъективная принадлежность (индивидуальный и общественный опыт экологического взаимодействия данного поколения), направленность на предметы и явления экологической действительности.

Основными свойствами, или признаками, экологического сознания следует считать: социальный характер, опосредованность символикой, знаками, в том числе вербальными средствами речи, саморефлексию, внутренний диалогизм, предметность, натуртрадиционизм.

По направленности и уровням саморефлексии экологическое сознание может быть имплицитным или эксплицитным. **Имплицитность** экологического сознания (лат. *implicito*, от *implico* — сплетаю) определяется скрытностью смысла, неявностью того экологического содержания, которое может быть выявлено лишь опосредованно через свои связи с другими объектами или процессами. Имплицитность экологического сознания проявляется:

— в широком смысле слова — как совокупность неявных и недоказанных представлений людей (группы людей или отдельного человека) о содержании и факторах окружающей среды, экологических загрязнениях, экозагрязнителях, а также их последствиях;

— в узком смысле слова — как такое же неявное эмпирическое представление о соотношении и удельном значении преимущества того или иного экологически вредного фактора по отношению к другим. К примеру, аллоафферентации, альтернатурнализации — когда фактор радиации заслоняет собой восприятие вредности других экозагрязнителей, в частности химического, промышленного или транспортного. В экологическом сознании многие неизвестные, многие неявные или непонятные явления либо "туманные" представления, смутные сведения о среде, вредных ее факторах, характере их действия также характеризуют его со стороны имплицитности, ибо существуют в психике большей частью скрыто, латентно, имплицитно. Тем не менее они могут достаточно действенно влиять на мотивы поведения, выбор поступков, направленность действий. Имплицитность экологического сознания имеет свои характерные особенности проявления: иерархичность (например, ощущения вредности факторов), оценочность (выраженность угрозы), дифференцированность ("когнитивная сложность", когда человек затрудняется в осознании чего-то конкретного, но подспудно его ощущает, как говорят, "чувствует нутром"), адекватность либо неадекватность, устойчивость. Имплицитное экологическое сознание доступно для изучения преимущественно с применением проективных психодиагностических методов.

Эксплицитность экологического сознания (лат. *explicito*, от *explico* — развертываю) предполагает явный, четкий, развернутый вид суждений, как и доступные внешнему наблюдению формы экологических по-

ступков и действий. Чаще всего проявляется в шутках, поговорках, присказках, притчах, суевериях и, разумеется, в осмысленных суждениях.

Кроме названных двух форм проявления экологического сознания, ему присуща еще одна особенность — отражать личное отношение к экологической действительности. Такая особенность может быть обозначена свойством комплицитности. **Комплицитность** экологического сознания (от франц. *complice* — причастный) — причастность, личная включенность, переживаемость того, что воспринимается объективно и реально. Комплицитность обеспечивает субъективную значимость того, что есть в составе имплицитного или эксплицитного содержания сознания, и формирует основу для принятия решений, направленности поступков, отдельных действий и деятельности в целом.

Выработка и усвоение, формирование экологических ценностей — сложный процесс, в котором можно выделить целый ряд явлений. Обозначим хотя бы категориально основные из них.

Интериоризация экологического сознания (от лат. *interior* — внутренний) — процесс самопроизвольного (здесь чаще неуправляемого, в отличие от педагогического процесса) превращения наблюдаемых фактов внешней среды, реальных действий (как и опасений) во внутренние, идеальные, образные представления, т. е. в субъективную ментальность. Интериоризация экологических ценностей направлена на создание когнитивной картины мира (подробно об этом будет идти речь ниже), обусловлена взаимодействием индивидуального сознания с групповыми и массовыми экологическими установками, общественным настроением, а также геопсихическими явлениями общественного сознания. В процессе такого превращения внешнего во внутреннее происходят специфические трансформации

(обобщения, вербализации, сокращения, эллипсисы), а главное — внешние и ранее развернутые представления получают дальнейшее развитие, которое превосходит возможности внешне развернутой деятельности. При отсутствии опыта общественно-исторической практики взаимодействия с такого или аналогичного рода явлениями (что чаще всего бывает) индивидуальное сознание теряет естественную связь с внутренней логикой явления, и деятельность обретает черты непосредственной зависимости от внешне развернутых форм взаимодействия, а также субъективно скрытых подсознательных установок и диспозиций. В понимании данного явления существенное значение имеют основные положения культурно-исторической концепции (Л. С. Выготский) [11]: инструментальная структура деятельности (знаковое ее опосредование) и включенность в систему экологических взаимоотношений с другими людьми. В этих взаимоотношениях с другими индивид, вероятнее всего, будет пытаться восполнить отсутствующие звенья самой интериоризации (через общение) и нарабатывать хоть какой-то индивидуальный опыт приспособительного поведения. Субъективно заимствованная смысловая символика обращения с фактическими смыслами и содержанием среды формирует собственные экопсихологические диспозиции.

Экологическая диспозиция (лат. *dispositio*, от *dispono* — размещаю, распределяю) — определенный план поведения, способ действий относительно тех или иных экологически значимых факторов. Как правило, экодиспозиция является культивируемым в процессе воспитания качеством личности, определяющим соответствующую ее направленность, но может выступать в разной степени выраженности — от явной доминанты до полного отсутствия. В случае ее выраженности **экодиспозиция** конкретного содержания *становится*

деятельностью в ее потенциальной форме, ибо это — склонность, установка, ценностная ориентация, предрасположенность*. Формируя нужные экодиспозиции, можно заранее предвидеть причины и следствия, вероятностные формы экологического поведения человека или целых групп, категорий населения. На сегодня нам известно, что экопсихологические диспозиции, как определенным образом фиксированные установки, формируются постепенно и не только путем направленной учебно-воспитательной работы, но и посредством закрепления распространяемых в обществе идей и перевода их из области "знаемых" в содержание привычек и склонностей оценивать и относиться к средовым явлениям определенным образом.

Адекватная биологическим принципам адаптации экопсихологическая диспозиция предполагает согласование, поощрение, поддержку, содействие природным явлениям, а не переделку, подчинение их, но вместе с тем и не слепую покорность. Как ни странно, но человек советского периода стереотипно занимал эти две крайние позиции с перевесом тенденции к превосходству над природой, подчинению ее своим интересам. Обозначим это совметральной экодиспозицией.

Совметральная экодиспозиция (от франц. *soumettre* — покорять и лат. *dispositio*, от *dispono* — располагаю) — готовность или предрасположенность подчинять природу своим целям и интересам. Как правило, совметральное отношение к природе побуждается и обосновывается благоразумными намерениями, маскируется гуманными принципами, обосновывается расчетами, но в конечном итоге оборачивается губительными и разрушительными, а нередко и необратимыми последствиями.

---

* Более подробно об экодиспозициях, их формах и методах тестовой психодиагностики см. научно-методическое пособие [29].

Та же Чернобыльская авария моментально вызвала обратную по отношению к совметральности **экосовмиссийную диспозицию** (от франц. *soumission* — подчинение, зависимость), а именно: предрасположенность покорно следовать стихии природы, пассивное следование природным законам. Такая покорность естественно обусловлена биологической доминантой в природе человека, а также ограниченностью его познаний. Следует отметить, что предшествующая идеология позаботилась о том, чтобы в "атомных" экодиспозициях советского народа был создан подсознательный устрашающий образ последствий ядерного взрыва, ибо долгое время нагнетался страх перед его поражающим действием, в том числе и перед радиационным заражением. Формированию таких экодиспозиций в то время уделяли внимание, поскольку они были нужны для оправдания гонки ядерных вооружений, а создавать экопсихологический иммунитет против них — не считали нужным. Поэтому обыденное сознание в первое время после Чернобыльской катастрофы оказалось подавленным и стало активно искать выход из беды в различного рода домыслах, прибегая к слухам и догадкам.

В условиях остро возникшей необходимости адаптации аффективное состояние паники со временем сменилось **экопсихологической напряженностью**, под которой мы понимаем категорию психического состояния людей, обусловленную предвосхищением неблагоприятного развития экологической обстановки. Такое состояние сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, страха. Однако, в отличие от паники, экопсихологическое напряжение характеризуется готовностью овладеть ситуацией, действовать в ней определенным образом. Степень выраженности психической напряженности тогда определялась многими моментами: силой мотивации (стремлением изменить ситуацию), значимо-

стью и личностным ее смыслом, отсутствием опыта подобных переживаний, ригидностью (негибкостью) психических состояний.

Сочетание этих психических форм состояния людей проецировалось на проявления **фрустрации**, логически отражалось конфликтами в сфере личностных ценностей. По характеру влияния **психического напряжения** в поведении и деятельности формировались **две линии развития**: операциональная, когда процессуально мобилизовывалась мотивация выживания, что способствовало сохранению высокого уровня работоспособности, и эмоциональная, дезорганизующая. Развитие эмоциональной напряженности отражалось на тонусе поведения чаще всего отрицательно, что приводило к ломке мотивационных структур, снижению эффективности деятельности, ее дезорганизации.

Психологическая напряженность экологической поставарийной обстановки была связана прежде всего с экопсихологической незащищенностью людей. **Экопсихологическая незащищенность** в данном случае определялась как эмоциональное переживание витальной угрозы последствий экологического бедствия, как состояние ожидания неблагоприятных результатов, которые невозможно предотвратить. Чувство экологической незащищенности обусловлено запоздалым осознанием своей биологической принадлежности, резким снижением, даже по отношению к бывшим повседневным самооценкам, уровней притязания, понижением социально-деятельностной атрибуции, атрофированием жизненных смыслов и резким повышением тревожности, страхов, опасений.

Вполне вероятно, что на этом фоне может разыгрываться целый комплекс специфических явлений экологического сознания.

Первейшим его фактором, наиболее доступным и наиболее распространенным, становится **явление экологической конфабуляции** (от лат. *confabulo* — болтаю) — бессмысленное философствование вокруг острых проблем, связанных с изменившейся экологической обстановкой. Чаще всего это обыденные представления, возводимые в сложные нагромождения смысловых конструкций с примесью фантасмагории и мистики. Подобного рода конфабуляции запутывают и заостряют сложные экологические проблемы, используются в качестве ширмы для отвлечения общественного сознания (первые после Чернобыльской катастрофы выступления советского правительства и специалистов), либо реализуются в качестве катализатора для нагнетания массового психоза (нашлись и здесь "ходоки", которые разносили всевозможные слухи и догадки с целью усиления значимости происходящего). Обыденные пересуды также следует относить к тем самым явлениям экологической конфабуляции, в основе которых лежат **гностические контаминации** (от греч. *gnosis* — познание и лат. *contaminatio* — смешение, ошибочное воспроизведение), алогизмы обыденного мышления, проблемные парадоксы, другие искажения действительности, эмоционально обнадеживающие, хотя по сути своей создающие психологические барьеры в экологическом сознании людей.

Каково бы ни было отрицательное значение радиоэкологических конфабуляций, они способны порождать в экологическом сознании так называемый **"эпифеномен"**, или, иными словами, **явление экопсихологического инсайта**. Экопсихологический инсайт (от англ. *insight* — постижение, озарение) — внезапное и невидимое из прошлого опыта, но подготовленное им постижение, открытие для себя значимости человеческой жизни или своей первозданной биологической

природы (это как воздух: пока он есть, его не замечают). И вдруг на фоне впечатляющих явлений происходящего люди осознают в себе ту самую природу, а через это осознание — и свою причастность к чему-то чрезвычайному. Экопсихологический инсайт в таком варианте оставляет глубокое душевное потрясение, переживается сильно, нередко трагически и безысходно. По глубине эмоционального переживания такого рода "эпифеномен" оставляет заметный след, у иного человека, как мы видели в полевых исследованиях, на всю жизнь, побуждает сознание всеми силами отрицать случившееся либо "открыть" глаза на нечто ранее не замечаемое.

В отдельных случаях (не таких уж и редких) "эпифеномен", или экопсихологический инсайт, обусловливает **инициацию экологического сознания** (от лат. *initio* — начинаю, посвящаю в таинство) — приобщение человека к области экологических ценностей, побуждение к познанию среды своего существования, к появлению экологического мышления, экоатрибутивного образа жизни. В ключе развития экопсихологических инициаций возникает острая потребность в формировании действенных экоатрибутивных форм поведения в новых условиях существования, реорганизуются ценностные установки, мотивы и смыслообразующие цели всей последующей жизни. Возникает острая необходимость в адекватной информации, а при ее дефиците встают не менее серьезные барьеры и ограничения процессов интериоризации обыденного опыта, адаптации как общественного, так и индивидуального сознания.

Содержание интериоризированных (переведенных во внутренний план) экопсихологических диспозиций чаще всего затруднено во внешней развернутой речи, хотя и дает возможность человеку оперировать обра-зами, схемами, символами случившегося. На этом уровне ин-

териоризации символика и образность внутреннего содержания позволяют оперировать ими не столько в реальной плоскости восприятия, сколько в проекциях на глубинных, амодальных уровнях субъективных представлений, на искаженных пространствах, смещенных временных отрезках, эмоциональных акцентуациях, иных "провокационных" формах психического отражения. Поэтому и само по себе отражение нуждается во внешних "подпорках"; наиболее вероятными и доступными теперь являются групповые явления экологического сознания, как и массовидные экоустановки.

Групповое экологическое сознание — целостная составляющая диалектической суммы индивидуальных представлений определенной социальной группы (отдельного села или региона, категории пострадавших и др.). Поскольку социальные группы образуются прежде всего для осуществления определенной деятельности или отражают некоторый образ жизни, то и групповое экологическое сознание сущностно будет выступать в основе ведущих идей и представлений, оценок, надежд и чаяний людей, придерживающихся того или иного жизненного стиля. Однако групповое экологическое сознание не сводится к простой арифметической сумме взглядов отдельных членов группы, а составляет новое качество как отражение наиболее существенных экологических проблем, тревог и опасений, свойственных всей группе или социальному сословию. Помимо собственных, присущих только этой группе, проблем групповое экологическое сознание может выступать и носителем так называемых массовидных явлений экологического сознания.

Массовидные явления экологического сознания представляют собой однородные оценки, совпадающие установки, принятые стереотипы и внутренне внушенные образы экологических бедствий, связанные с одновременно переживаемыми психическими состояниями лю-

дей. К массовидным явлениям экологического сознания относятся доминирующие среди населения представления о вредных последствиях каких-либо вредных производств (вред реальный или вымышленный), преобладающие в данной социальной среде экологические настроения (экодисфории, экоипохондрии), общественное мнение в экологическом сознании, экосентенции. Следует заметить, что массовидные явления широко изучаются в психологии народов, а также в психологии больших групп относительно тематики рекламы, торговли, предвыборных кампаний и совершенно не изучены в области экологической психологии.

Не менее выразительным источником интериоризации экологического сознания в процессе его естественного социогенеза выступает **общественное экологическое сознание** — преобладающее состояние чувств и мыслей тех или иных общественных групп относительно экологических проблем. Экологическое настроение в экологическом общественном сознании — это не только самое массовидное социально-психологическое явление, но и одна из наиболее влиятельных сил, объединяющих и побуждающих людей к определенной деятельности: производственной, бытовой, культурной, просветительской, созидательной или разрушительной. Определенное экологическое настроение в обществе часто объединяет людей на митингах и демонстрациях, оно способно захватывать и группировать людей в единое социальное, политическое или экологическое движение (например, Партия зеленых Украины). В такие объединения могут входить различные группы и слои общества. Экологическое настроение характеризуется выраженной природоохранной направленностью или вполне определенным содержанием и уровнем эмоционального накала (апатия, депрессия или подъем, энтузи-

азм). Наряду с глобальными либо более или менее значительными массовыми явлениями экологическое настроение может иметь и региональное, локальное содержание. Это обычно находит свое отражение в интериоризации экологического сознания, эмоционально заряжая экодиспозиции в той мере, в какой личностью разделяются общие тенденции (упадничество, психоз, безысходность либо уверенность, надежда, оптимизм).

На формирование экодиспозиций в процессе интериоризации экологических ценностей прямо или косвенно оказывает влияние и такая составляющая, как геопсихические явления, возникающие вследствие воздействия на психику факторов Земли — атмосферного давления, магнитной активности, температуры воздуха, грунтовых вод, ветров, климата в целом. Трудно переоценить влияние на формирование экологического сознания средств массовой информации и коммуникации.

Следовательно, с учетом вышеназванных влияний и складывается экологическое сознание обыденного уровня, которое в конечном итоге составляет **когнитивную карту мира** (от лат. *cognitio* — знание, познание) — образ пространственного окружения, который создается и видоизменяется в результате активного взаимодействия человека с окружающей средой. Когнитивная карта, или субъективная картина мира, как образ-представление экологии еще не разработана в экопсихологическом контексте. Однако совершенно очевидно, что экологическая карта мира в когнитивных структурах самосознания не есть обезличенная, беспристрастная, чисто объективированная данность, — она субъективируется и уходит в область глубинных амодальных структур индивидуального сознания. “Олицетворение” когнитивной карты мира, в том числе

и экологического содержания, осуществляется сквозь призму личностных смыслов экологического сознания.

Понятие **личностного смысла** в общей психологии обозначает индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность. Изначально понятие личностного смысла связывалось Л. С. Выготским с динамическими смысловыми системами индивидуального сознания и представлялось в единстве аффективных и интеллектуальных процессов [11]. А. Н. Леонтьев, развивая теорию деятельности в общей психологии, выводит понятие личностного смысла на уровень категориальных единиц самого сознания [17], что, несомненно, расширило методологическое значение термина. Оказалось, что личностные смыслы имеют прямое отношение к побуждениям человека к деятельности (смыслообразующие мотивы), отношениям человека к действительности (значимость, субъективная ценность), смысловым установкам, а через них — к поступкам и действиям. Если установлено, что личностные смыслы индивидуального сознания производны от места человека в системе общественных отношений и от его социальной позиции, то не приходится сомневаться, что они непосредственно связаны с экологическим статусом того же индивидуального, как впрочем и общественного, сознания. Если изменение социальной позиции человека в мире влечет за собой переосмысление его отношений к действительности, нередко связанных с “потерей себя” и утратой смысла существования, то и в экологическом контексте, например последствий Чернобыльской катастрофы, не учитывать значение личностных смыслов будет величайшей ошибкой. Понятие личностных смыслов используется нами в составе других категорий экологически измененных форм бытия, изучающих отношение человека в изменившихся условиях

существования, что также в экологической психологии специально не обсуждалось.

Поскольку личностные смыслы экологического сознания составляют ядро складывающихся отношений человека к среде своего существования, то одной из форм его проявления будут **намерения экологического сознания**. Намерение в структуре экологического сознания — особое функциональное образование психики человека, возникающее под влиянием установок, механизмов целеполагания. И в том, и в другом случае намерение будет зависеть от содержания экологического сознания, а именно: от экодиспозиций, личностных смыслов, знаний и представлений (эко-логического образования), эмпирических, опытным путем сложившихся ценностей.

Намерения экологического сознания пострадавших от Чернобыльской катастрофы берут на себя функцию регуляции поведения в условиях ожидания неприятностей от сложившейся особо сложной экологической ситуации. Целеполагание осуществляется в затянувшихся по времени непривычных и субъективно трудных, динамично меняющихся обстоятельствах, которые вызывают целый ряд порой противоречивых мотивов деятельности. В случае борьбы мотивов намерение нередко выступает в качестве решающего момента, предваряющего фазу исполнения действия: в одних случаях, как это видно из наших исследований, оно заменяет стадию подготовки от целеполагания к исполнению, в других — увеличивает эту стадию, особенно тогда, когда намерение имеет обратный знак направленности по отношению к цели актуальной деятельности.

Наряду с понятием намерения экологического сознания следует обратить внимание и на категорию **экологической дееспособности** личности как одну из важных детерминант, проявляющихся в векторе направленности соответствующего действия, той или иной эколо-

гической активности. Экологическую дееспособность следует дифференцировать **по уровням выраженности**:

— в скрытом внутреннем плане, на уровне экологических диспозиций, склонностей, предрасположенностей, установок;

— на уровне социальном: в общении, организованной совместно с другими деятельности, в четко выраженной жизненной позиции, мировоззрении, убеждениях, идейности;

— на уровне повседневной активности, когда знаемое и принятое в сознании неизменно реализуется в действиях и поступках, образе жизни.

Если первый уровень экодиспозиций изучался нами с помощью специально созданных проективных тестов, второй — с использованием диагностических опросников, то третий уровень, который охватывает потребностно-мотивационную сферу и выразительно проявляется в повседневной активности людей, успешно изучается методом наблюдений, бесед, специальных интервью, полуструктурированных анкет.

Устойчивые намерения всех трех уровней кумулируют в себе категорию экологической, исходящей от глубинных психологических структур, направленности личности.

Экологическая направленность личности — совокупность устойчивых мотивов и намерений, ориентирующих деятельность человека в экологически опосредованном плане, особенно в тех случаях, когда субъект не зависит непосредственно от существующих экологически вредных обстоятельств. Конечно, и в условиях негативной экодетерминации мы можем наблюдать отстраненность, индифферентность личности к проблемам экологии, но так бывает реже. Экологическая направленность личности характеризуется соответствующими

интересами, склонностями, убеждениями, в которых выражается экологическое мировоззрение человека. Под влиянием экологической направленности личности формируются навыки экоадекватного поведения или навыки экоатрибутивной деятельности. А коль скоро это навыки, то им присущи структуры действий экологической направленности, которые складываются в отсутствие поэлементной сознательной регуляции и контроля. Навыки экологического поведения формируются путем повторения и закрепления в индивидуальном опыте перцептивных интеллектуальных и двигательных действий, которые в соответствующей активности доводятся до автоматизированных стереотипов.

С учетом направленности личности и на базе эмпирически сложившихся экологических навыков формируется **линия** либо **экоатрибутивного**, либо **экодистрибутивного поведения**, основные их тенденции. Экологически обусловленное поведение, или поведенческая экоатрибуция, выразительно может иметь два варианта: либо это эконормативное поведение, либо экодевиантное.

Экодевиантное поведение (от франц. *deviation* — отклонение) — поведение, в основе которого отслеживаются черты, наносящие вред природной или антропогенной среде. Экодевиант — человек с отклоняющимся от здравого экологического смысла поведением. Не всякое экодевиантное поведение подпадает под криминальную ответственность (разрушение гнезда птицы, муравейника, сломанная ветка дерева либо сооружение плотины). Потребление заведомо вредного продукта (скажем, наркотика) или использование радиационно зараженных предметов и вещей, материальных ценностей (к примеру, из радиационных “могильников”) — тоже экодевиация. Поэтому экодевиация оказывает на человека более пагубное влияние, чем правонарушение,

— своей безнаказанностью, а в итоге закрепляет черты экологической деменции, притупляет нравственное сознание, препятствует развитию эмоциональной восприимчивости, волевой сферы, здоровых потребностей и духовных ценностей. В свою очередь, дефицит названных психологических понятий индивидуального самосознания способствует развитию психики девиантного типа: низкий уровень интеллектуальности, незавершенность или несформированность эмоций, ограниченность, конформность (зависимость поступков от внешнего влияния), ослабленный оценочно-критериальный контроль, внутренняя противоречивость личности. Следует, однако, признать, что иногда экологическая девиация сочетается с хорошим знанием нравственных норм. Примерами экологических девиаций могут быть экосовметральные диспозиции.

Эконормативное поведение (от лат. *norma* — руководящее начало, точное предписание, образец) — поведение, в основе которого лежит совокупность правил и требований рационального взаимодействия человека с природным, социальным и искусственным окружением своего существования, даже в экологически неблагоприятных условиях.

В экологической психологии это понятие далеко не само собой разумеющееся. Дело в том, что поведение, как форма направленного взаимодействия живых существ с окружающей средой, детерминировано внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Эволюционная теория Ч. Дарвина объясняет биологическую суть приспособительного поведения животных инициирующим началом среды, где важное место отводится именно условиям существования. С появлением сознания у человека расширяется диапазон регуляции своего взаимодействия со средой. Каче-

ственно иными становятся и внутрипопуляционные взаимоотношения индивидов, взаимодействия между биологическими видами, между субъектами и объектами жизнедеятельности. Поиск первородных истоков гармонии становится обременительным, и человек изобретает, ищет и находит другие правила приспособления, в частности приспособления за счет использования среды в своих интересах, а точнее, приспособления ее к своим интересам, нуждам и потребностям.

В связи с этим поведение человека становится в ряд производных зависимостей, где, с одной стороны, сохраняется природная предрасположенность приспособиться, а с другой, — на передний план выступает социально обусловленная, опосредованная речью и мышлением сознательная деятельность, возможности которой несравнимо мощнее сугубо биологических актов приспособления. Иногда, а порой и нередко, они дают сбои в виде переоценки своих возможностей, расщепления вербального (знаемого в данном случае) и реального планов, ослабления критичности при контроле за реализацией программ, непредвиденности получаемых результатов при вмешательстве в экосистемы. Все это отрицательно сказывается на первой линии приспособительного поведения и побуждает человека к выработке соответствующих правил и норм, которые играли бы роль ориентировочных средств в регуляции экологического поведения и взаимодействия с природой. Следование этим нормам и формирует эконормативное поведение.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем разница между понятиями “экология” и “экологическая психология”?
2. Каковы сущностные характеристики и как соотносятся понятия “обыденное сознание” и “здравый смысл”? Какое отношение они имеют к экологическому сознанию?
3. Дать определение понятию “экологическое сознание”. Как соотносятся понятия индивидуального и общественного экологического сознания? Какие методологические противоречия содержит в себе экологическое сознание?
4. Раскрыть содержание и три основных свойства экологического сознания: охарактеризовать его со стороны имплицитности, эксплицитности и комплицитности.
5. Что такое интериоризация экологического сознания и каково ее главное назначение?
6. Что такое экологическая диспозиция? Раскрыть содержание совметральных и совмиссийных экодиспозиций.
7. Психологические механизмы первичной адаптации в условиях экологического бедствия: экопсихологическая напряженность, фрустрация, экопсихологическая незащищенность. В чем они проявляются?
8. Каковы социально-психологические формы экологического сознания, порождаемые в процессе адаптации к последствиям экологического бедствия? Раскрыть сущность понятий “экологические конфабуляции”, “гностические контаминации”, “экопсихологичес-кий инсайт” (эпифеномен).
9. Как соотносятся понятия “экопсихологический инсайт” и “инициация экологического сознания”? Их значение в экологической психологии.
10. Дать определение понятию общественных форм экологического сознания: групповое экологическое сознание, массовидные явления экологического сознания, общественное экологическое сознание.
11. Индивидуально-личностные формы проявления экологического сознания: когнитивная карта мира, личностный смысл и намерение экологического сознания. Раскрыть сущность и содержание.
12. Охарактеризовать поведенческие формы проявления экологического сознания: экологическую дееспособность и экологическую направленность личности.
13. Экопсихологическая нормотония экологического сознания: экодевиантное и эконормативное поведение. Раскрыть сущность, привести примеры.

Раздел III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. Субъективный образ мира — основа методологии и теоретическая база экологического сознания

Будем исходить из того, что понятие **"образ мира"** — это прежде всего образ или **психическое представление** в сознании человека. У каждого человека есть свое представление о мире вещей, о жизни и ее качестве. Поэтому изначально следует определиться с понятием и сущностью психического представления, которое в современной научной литературе употребляется в разных выражениях и трактовках: "образ мира", "субъективная карта мира", "когнитивная карта", "когнитивный образ" и т. п. Ментальный или субъективный образ становится, таким образом, предметом исследования и методологической основой экологической психологии.

Еще в 70-е годы нынешнего столетия А. Н. Леонтьев поставил проблему образа как одну из принципиальных проблем восприятия предметного мира [18]. В после-

дующем эти идеи получили свое развитие, теоретическое и экспериментальное обоснование [5, 25, 31].

Следует отметить, что А. Н. Леонтьев не был первооткрывателем идеи образа в психологии, однако он едва ли не впервые в научно-психологическом плане стал исследовать эту категорию генетически.

Каждая вещь первично существует объективно, а вторично представлена в субъективном, чувственном плане, в сознании человека. Если для животных предметный мир выступает в его четырехмерном измерении (трехмерное пространство плюс время, проявляющееся в движении), то для человека тот же предметный мир существует еще и в пятом измерении, по Леонтьеву, в "квазиизмерении", т. е. открывается еще и своим "смысловым полем", системой значений. Для человека не только чувственные признаки ощущений комбинируются в восприятии, а может быть, и не это главное, — главное в другом — в сути субъективно создаваемых образов, в которые с неизбежностью привносятся свои сложившиеся личностные смыслы.

Проблема значения и смысла — традиционная для психологии и столь же традиционно рассматривалась в психолингвистическом плане применительно к речи, слову, контексту.

Впервые обратился к понятию смысла французский психолог Ф. Полан. Согласно Полану, **смысл** представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. **Значение** же есть неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях слова в различном контексте.

Слово, независимо от того, взято оно в контексте или отдельно, всегда имеет определенное значение. Вместе с тем реализуется слово в контексте уже своим смыслом. Отсюда следует, что **значение** есть не более как потенция того, что может стоять за ним.

Л. С. Выготский, используя суждения Ф. Полана, уточняет соотношение понятий “значение” и “смысл”. Он пишет: “Слово приобретает свой смысл только во фразе, но сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца, абзац — в контексте книги, книга — в контексте всего творчества автора” [11, с. 270]. Еще более определенно трактует это А. Н. Леонтьев. Он пишет, что **значение** — есть то, что открывается в предмете или явлении объективно и существует в форме безличного языкового понятия. В значении закрепляется объективное, обобщенное, синтезированное человечеством исторически отражение действительности в форме понятия, знания, умения, нормы поведения и др. Иными словами, **значение** — это нечто объективное, в **смысле** же это “нечто” обретает субъективную окрашенность, исходящую от реального взаимодействия реального субъекта с реальной действительностью. **Смысл** вбирает в себя субъективное отношение к содержанию значения, придавая ему тем самым многозначность, своеобразие.

Рассматривая слово как одухотворенную вещь, можно отметить в нем как объективное, так и субъективное, где объективное обретает черты субъективного посредством отношения субъекта к объекту, смещения объективного значения понятия к субъективному его смыслу. В предметном мире вещей смысловые смещения опосредуются механизмами чувственного познания.

Во взаимодействиях с вещами человек постигает их свойства разномодальными своими рецепторами. В этой связи свойства предметного мира А. Н. Леонтьев условно делит [18] на две категории: те, которые проявляются во взаимодействиях неживых вещей с неживыми — **“объект-объектные”**, и те, которые обнаруживаются во взаимодействиях с нашими органами

чувств — **“объект-субъектные”** взаимоотношения. Но даже первые открываются человеческому познанию лишь благодаря участию рецепторов. Потому их трудно отнести к собственно объектным, ведь описываются они признаками, проявляющимися исключительно во взаимодействиях с органами чувств, а это — субъективное звено. Вместе с тем они не являются и чисто субъективными, поскольку исходят от объективно существующих вещей, явлений, событий. Например, гладкость, ровность, плоскость поверхности может ощущаться нами как “скользкость” при ощупывании и как “блесткость” в зрительном отражении. Ясно, что эти два качества представлены нам разными сенсорными системами и не являются сугубо объектными, потому что выступают лишь свойствами, проявляющимися во взаимодействии объекта, у которого гладкая поверхность, с соответствующими органами чувств человека. Объекты материального мира проявляют бесконечное множество свойств, не все из которых могут обнаруживаться естественным образом, т. е. органами чувств. Многие свойства часто вообще не открываются на основе восприятия, но они в сознании человека есть. Такие свойства и признаки носят отчетливый амодальный характер, а с другой стороны, они фиксируются, сохраняются и передаются по-особому: в понятиях, символах, предметах культуры и усваиваются индивидуальным опытом в готовом виде, ментально, возможно даже и не присутствуя совсем в чувственной сфере. Это так называемые **“свойства второго рода”** [16].

Свойства второго рода наряду с чувственно воспринимаемыми свойствами первого рода непосредственно входят в структуру образа мира, в тот целостный конструкт сознания, который позволяет осуществлять синтез чувственного образа из хаоса отдельных и разрозненных ощущений. **Образ восприятия** с самого начала

строится как **целостное образование**, а не составляется из отдельных элементов. Целостный образ предполагает наличие конкретного ощущения в своей, уже сложившейся структуре [5, 34]. Одни и те же ощущения могут не противореча входить в разные целостные образы.

Следовательно, наше восприятие "предвзято" изначально, желаем мы того или нет. Предвзято оно, или, образно говоря, "схвачено", еще задолго до образования конкретного представления. Эта **предварительность обеспечивается** уже имеющимся в сознании **образом мира**. Значит, конкретному восприятию предшествует уже сложившийся образ мира.

КАК ВОЗНИКАЕТ ОБРАЗ МИРА?

Рассматривая этот вопрос, С. Д. Смирнов объясняет, чем отличается чувственная картина мира обычного человека от хаотической смены зрительных ощущений только что прозревшего слепого [31]. У слепого от рождения, несмотря на вдруг открывшиеся возможности зрительного восприятия, отсутствует способность без предварительного обучения предвидеть характер изменения ощущений. В этом главное.

Обычный человек в процессе развития естественным образом без постороннего вмешательства вовлекается в течение внешних событий, изменения предметного мира и условия их восприятия и таким образом участвует в динамичных переменах точек наблюдения, сменах позиций, всевозможных смещениях воспринимаемого им мира. Он присутствует либо непосредственно участвует в том или ином воздействии на мир вещей, событий и явлений. Он активно действует в объективном и субъективном пространстве. В процессе этого активного взаимодействия **в восприятии открываются не отдельные качества** и даже не отдельные предметы, а **цело-**

стный мир объектов **со своими законами и системными связями**, со своими глубинными структурами. Иными словами, в восприятии образуется не мир отдельных образов, а целостный образ мира на уровне ядерных, а не поверхностных образований.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ОБРАЗА МИРА

В психологии образа современной наукой выделяется ряд наиболее важных фактов и принципиальных положений.

1. Человек с рождения и на протяжении всей жизни, познавая или не познавая мир, уже действует в нем и тем самым постоянно наполняет свой субъективный опыт различными схемами, ориентировками, представлениями, образами. Эти представления не обязательно и не всегда должны быть рациональными конструкциями, но всегда отражают практическую **"вовлеченность" человека, "сопричастность"** его индивидуальной жизни миру вещей, событий и явлений [5, 18].

2. Воспринимает и познает мир не глаз и не мозг, а человек как целостная психическая реальность. Весь окружающий мир также должен предстать в сознании в виде целостной, хотя и иного рода, психической реальности. Представление мира тем самым обретает сущность психического образа, упорядоченного и целостного, как и сам физический мир. Образ становится своеобразным субъективным слепком, фоном, постоянно существующим и никуда не исчезающим. Этот фон или **образ мира предваряет** любое **чувственное впечатление**, упорядочивает его по своему образу и подобию [31].

3. Реальность образа мира в его субъективном представлении выступает не только содержанием обычной житейской или научной рефлексии, доступной эксплицированному чувственному познанию, но и предмет-

ным содержанием непосредственно не воспринимаемой действительности — амодально. Иначе говоря, “**образ мира является ядерным образованием** по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде чувственно (модально) оформленной картины мира” [25, с. 61].

4. Ядерные представления мира и поверхностные знания о нем — различающиеся структуры. Поверхностные структуры образа мира могут оформляться не только чувственно, но и словами, т. е. рационально. **Ядерные** же, как фундаментальные **опоры существования, отражают** преимущественно **действенные связи человека с миром**, не зависящие от рефлексии по их поводу. Сопричастность человека к своему жизненному миру универсальна [31, с. 15].

Поскольку представление мира, его образ есть опорное условие психической жизни, которое обычно не осознается, то обнаружение его “для себя” происходит **в виде специфических переживаний и чувствований.**

Внешне такие переживания как бы не имеют предметной отнесенности, к примеру, чувство внутренней неопределенности, чувство уверенности или сомнения, однако, как установлено, такие и им подобные чувствования, составляя универсальный фон любого предметного знания, предшествуют каждому восприятию и точному знанию.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТЫ (КАРТИНЫ) МИРА

Главный предрассудок — считать образ восприятия исходным “строительным” элементом, из которого складывается наше представление о действительности. Это отнюдь не так. Образ восприятия, взятый сам по себе, вне контекста, есть психологически мертвое обра-

зование, оно не может ориентировать ни одного движения, действия, поступка. **Ориентирует не образ, а вклад этого образа в субъективную картину мира.** Отдельные сенсорные импульсы, исходящие от реальности, не формируют наше представление о мире, а лишь подтверждают, дополняют или исправляют его.

Предметный мир, вещи и явления, объекты, субъекты и события существуют неисчислимым множеством связей и переходов с бесконечным множеством других объектов и явлений (образов). Понимание этих связей, закрепленных в субъективной карте мира, и знание законов взаимодействий и взаимопереходов от одних к другим дает нам возможность предсказывать и предвидеть очень многое. Эти предвидения могут быть очень разными по точности и достоверности — от чрезвычайно точных до крайне неуверенных и приблизительных гипотез, предположений. Именно в этом и заключается **главная функция образа** — еще в процессе восприятия **порождать гипотезы**, предположения, экспектации (ожидания), на основании которых и будет структурироваться новое чувственное впечатление. Если гипотеза ошибочна и наши ожидания относительно чувственных впечатлений не подтверждаются, то происходит смена перцептивной гипотезы на основе ранее не учтенных связей либо за счет расширения или изменения контекста. Без наличия предварительного представления, гипотезы процесс восприятия вообще не может начаться.

Построение образа мира есть прежде всего актуализация той или иной части уже имеющегося образа, и лишь затем осуществляется процесс уточнения, исправления, обогащения, расширения, модификации существующей картины мира. **Мы не строим заново** образ на основе существующего в данный момент отражения действительности, а напротив, **используем** то предмет-

ное значение, тот эмоциональный и личностный смысл, **который уже существует**, предшествует новому сенсомоторному образу, его актуальному переживанию [31]. По выражению В. В. Столина, мы ищем именно нужные нам стимулы, а не занимаемся поиском подходящих значений для навязанных нам извне стимулов.

Из сказанного следует, что образ мира — это вовсе не "картинка", которую можно наблюдать на фотографии, это нечто более сложное, динамичное, имеющее не столько контурные грани, сколько содержание функциональных связей и отношений. Психический образ мира к тому же характеризуется активностью, избирательностью, упорядоченностью своей логики, он постоянно пополняется и развивается под влиянием чувственного и (или) рационального познания.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА МИРА

К идее структурной организации субъективных представлений человека прибегали еще в 50-е годы Ч. Осгуд [39] и Дж. Келли [38]. Если Ч. Осгуд выделял в субъективном образе инвариантные подструктуры дихотомических плеяд в виде оценочных критериев, то Дж. Келли исходил из индивидуально специфических конструктов сознания. В психосемантике субъективного образа мира в теоретических идеях А. Н. Леонтьева [18] и Е. Ю. Артемьевой [5] также предпринимаются попытки структурировать данную категорию психики [5, 19, 25, 31].

С. Д. Смирнов [28] различает в образе мира **поверхностные** и **ядерные структуры**: поверхностные — чувственные представления, а ядерные — отторгнутые от чувственных, амодальные, интегрально-знаковые системы. В. В. Петухов [25] делит их по "языку" описания: поверхностные — "представления о

мире" и ядерные — "представления мира". Если поверхностные структуры образа мира у большинства авторов связываются с эксплицитностью чувственного и рационального познания (это незначительная, "видимая" часть айсберга — когнитивная), то ядерные (нижняя, огромная часть этого айсберга) с трудом поддаются изучению и классификации. Тем не менее эта, т. е. ядерная часть образа мира, структурируется, хотя и описывается разными авторами по-разному.

Д. А. Леонтьев [19] увязывает означенную амодальность субъективного образа мира со смыслообразованием, различая при этом понятия "жизненный смысл", как объективную характеристику места и роли отражаемого мира вещей и явлений в жизнедеятельности субъекта, и "личностный смысл" — как составляющую сознания, репрезентирующую субъекту жизненный смысл того или иного объекта, явления или события. Об этом мы уже говорили: если первая составляющая больше тяготеет к объективному "значению", то вторая — к субъективному "смыслу". Источники смыслообразования Д. А. Леонтьев усматривает **в трех механизмах**: мотивационном, атрибутивном и диспозиционном (см. рис. 1).

Мотивационный механизм субъективного образа связан со смыслообразующей функцией мотива. Это известный и хорошо описанный в психологической теории деятельности механизм. **Атрибутивный механизм** образа-представления связывается со значимыми параметрами, качествами, атрибутами объектов и явлений под углом зрения их ценностей. **Диспозиционный** же **механизм** смыслообразования представляет собой обобщенную смысловую установку, или диспозицию отношения субъекта к объективно отражаемому миру действительности.

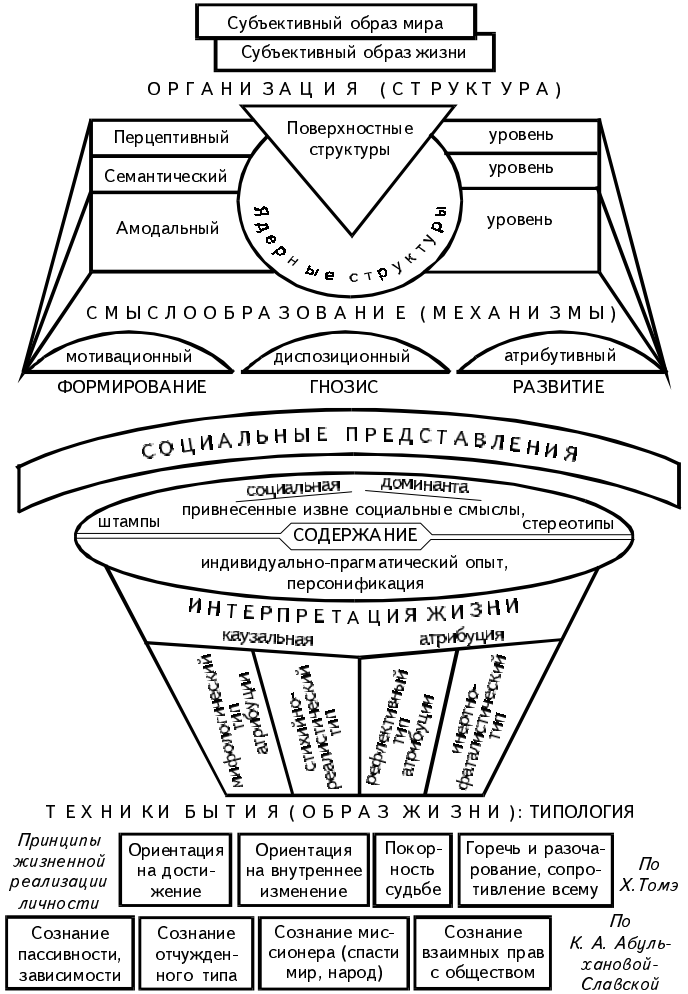

Рис. 1. *Схема концепциисубъективного образа мира*

В атрибутивном смыслообразовании Д. А. Леонтьев, вслед за Е. Ю. Артемьевой, выделяет два компонента: гностические, или смысловые, образования (на языке реальных оценок качества или атрибуции) и эмоционально-оценочные, или метафорические (на языке ассоциирующихся признаков объектов, как, например, геометрические свойства приписываются человеческим качествам: “человек — квадратный, тупой” и т. д.).

Диспозиционное смыслообразование, в отличие от атрибутивного, привносит в категорию образа мира индивидуально-личностное отношение [19].

Е. Ю. Артемьева в образе мира отдельно выделяет категорию субъективного опыта, поскольку представление мира, его субъективный образ включает в себя “следы всей психической жизни субъекта” [5, с. 21].

В структуру субъективного образа, по Артемьевой, входят **три иерархических слоя** (уровня): перцептивный, семантический и амодальный (см. рис. 1). **Перцептивный слой** включает отражение мира в четырехмерном пространстве и времени плюс еще значения и смыслы (созвучно с А. Н. Леонтьевым) [18]. **Семантический слой** характеризуется тем, что качества и свойства отраженного в индивидуальном опыте атрибутированы субъективным отношением. Это системы отношений, отторгнутые от модальностей, но еще членимые по ним (например, модель шкалирования по семантическому дифференциалу). В оценках вещей и событий мы прибегаем к проекции своего отношения типа “хороший — плохой”, “сильный — слабый” и т. п. И самый глубокий слой в субъективном образе — **слой амодальных структур**, когда в представлении симультанно интегрируется материал первого и второго уровней, а на базе перцептивно-семантической конструкции субъективный опыт обретает черты амодальности, оторванности от конкретного чувственного “слепка” пред-

мета или явления, события. На уровне амодальности образа от конкретных признаков, но в их "отсутствие" в сознании создается целостная ситуация, схема, некий модус реально существующего явления.

Обозначенные Е. Ю. Артемьевой иерархические слои субъективного опыта позволяют рассматривать психический образ генетически и отслеживать организацию психического материала в экологическом сознании, а точнее, экологического содержания человеческого сознания от его чувственной основы до более глубоких амодальных структур, таких, которые мы уже описали: экодиспозиции, экоустановки, альтернатурнализации, эконамерения и пр.

В современном научном знании достаточно изученными являются перцептивные механизмы, механизмы психосемантического уровня интенсивно разрабатывались в советской психологии 80-х — начала 90-х годов, о глубинных же амодальных структурах психологического образа мира известно мало. Однако известно, что помимо предметного образа у человека формируется еще и образ субъективного представления о социальной жизни.

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Образ жизни как психосоциальная категория также существует в субъективном представлении или психологической, ментальной картине мира. Однако он есть и конкретная данность бытия. И, вероятно, между этими планами реалий — того, что вкладывается в понятие "образ жизни", и тем, что он есть на самом деле, существуют сходные моменты и элементы различия.

С ранних лет человек включается в социальные взаимодействия, хотя не все они, не всегда и не в должной полноте осознаются. Вероятно, большая часть

из них вообще не осознается. Однако будет ли “бесследной”, индифферентной для субъективного опыта та часть социального бытия, которая не осознается? Видимо, безразличной и безучастной она не бывает, поскольку так или иначе получает свое отражение в нашем субъективном мировосприятии.

Не будем заострять внимание на подсознательном или бессознательном. Даже тогда, когда находясь в полном сознании и здравом уме мы взаимодействуем со сложной, динамичной и субъективной по содержанию тканью социальной жизни, то вряд ли способны воспринимать всю ее видимую (сенсорно отражаемую) часть в достаточной полноте, не говоря уже о многообразии комбинаций смыслоценностных, коммуникативных, информационных и других составляющих. И тем не менее в нашем опыте это остается. Это значит, что *пластичность и резервная мощность нашей психики способны фиксировать производные от непосредственных чувственных схем модусы*, вариативные тонкости и нюансы многообразия *всех форм социальной жизни*, которые не всегда отчетливо представлены в саморефлексии, но запечатлеваются в виде каких-то своеобразных контуров, общих или обобщенных очертаний. Сказанное больше относится к имплицитности, т. е. свернутости саморефлексии субъективных образов, стилей, стереотипов действования, характера организации реального существования.

В типичных для обыденной жизни условиях дефицита информации люди приписывают (как бы присваивают) воспринимаемым фактам скрытые от наблюдения причины. Явление дополнения или приписывания стихийного и не сопряженного с поиском доказательного объяснения получило в социальной психологии наиме-

нование каузальной атрибуции (в буквальном переводе с латинского — приписывание причин).

В когнитивной психологии выделяют несколько типов каузальной атрибуции [13].

Мифологический тип каузальной атрибуции

Если человек интересуется социальными явлениями, то он не ограничивается оценками, а пытается уяснить их причины. В условиях информационного дефицита он будет мыслить по принципу конфигуративной (по терминологии Келли) [38] атрибуции, приписывая причины либо исключительно действиям определенных групп людей (персонифицированная атрибуция), либо обстоятельствам (ситуативная атрибуция), либо тому и другому одновременно. Выбор виновников производится как на основе сложившихся стереотипов, так и на каких-то собственных впечатлениях. Так возникает мифологический тип экопсихологических представлений, где во всем и вся виноват, скажем, Чернобыль.

Стихийно-реалистический тип каузальной атрибуции

Для этого типа приписывания причин характерно то, что интерес направлен не на самые острые, а преимущественно на близкие и актуальные проблемы. Предпочтение отдается собственному опыту и прагматическим интересам. В оценках событий приводятся такие тезисы, которые соответствуют собственным предпочтениям, симпатиям и антипатиям. Представления чаще всего противоречивы, нередко алогичны, разрозненны, нецелостны. Дело здесь не в отсутствии системного видения, а в ином основании связующего принципа, в частности, не в логическом, а в ситуативном или эмоциональном, отсюда и склонность ориентироваться на свои интересы.

Рефлексивный тип каузальной атрибуции Рефлексивный способ приписывания причин отличается высокой согласованностью представлений. Здесь целостность системы представлений сконцентрирована на какой-то идее. Идея позволяет порой иметь логически организованные и адекватные представления, а порой — догматические, стереотипизированные воззрения или некие крайности, в которые люди глубоко уверовали.

Инертно-фаталистический тип каузальной атрибуции Этот тип приписывания причин наиболее примитивный. Характерным для него является восприятие социальной действительности как сферы действия сил и процессов, не поддающихся ни пониманию, ни управлению, ни контролю. Представления о конкретных событиях зависят от внешних интерпретаций, чужих мнений, социальных стереотипов, источников и средств массовой информации, слухов, догадок и пр.

Все типы каузальной атрибуции в социальном гнозисе либо взаимно связаны при некотором доминировании какого-то из них, либо проявляются почти в "чистом виде". Учитывая их влияние на жизнедеятельность и внутренний план организации, в экологической психологии следует не только ориентироваться на них, но и системно изучать.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Традиции психологии субъективного образа жизненного пространства складывались на протяжении последних 80—90 лет в направлении гуманитарно-экологической ориентации. К середине 70-х годов сформировалось самостоятельное направление — психология среды, хотя еще в 1916 году Р. Парк отмечал,

что психологи начинают употреблять средовые понятия и категории в качестве системообразующих для исследования влияния среды на поведение человека [4]. Развитие данной научной парадигмы прошло ряд узловых этапов — *от идей "географии человека"* А. Канта (1837) *через понятие "социальная экология"* (Д. Милль и Г. Спенсер, 20-е годы) *до* оформления самостоятельного научного направления — *экологической психологии* [2].

Представление о субъективном образе жизненного пространства исходно занимало одно из центральных мест в работах по средовой психологии. Понятие "субъективная карта мира" как образ пространственного окружения одним из первых употребляет С. Троубридж (1913), называя ориентации людей в окружающем их городском пространстве "умственными образными картами", затем у Э. Толмена (1948) появляется понятие "когнитивная карта", под которой автор подразумевает особую ментальную структуру переработки информации, поступающей от сенсорных систем, и которая указывает линии поведения, маршруты и ответные реакции животных и человека в физическом пространстве.

С появлением работ К. Левина (30-е годы), в которых значительное место отводится не столько внешнему объективному окружению, сколько индивидуальному характеру восприятия этого пространства, начинает развиваться отдельное направление в психологии — **средовая персонология**. Ее задачей становится нахождение своеобразного общего "поля" и анализ взаимосвязей между личностью, ее внутренним миром и тем пространством, той средой, где находится субъект.

Дальнейшее развитие психологической науки в рамках когнитивной психологии, неофрейдизма, бихевиори-

альной школы, деятельностного подхода, гуманистической психологии и других научных направлений определило многоплановую дифференциацию в подходах к изучению взаимодействия человека и среды. Теперь на передний план выступили задачи преемственности и целостности, интеграции со смежными областями научных знаний и классическими традициями в создании адекватных принципов оценки различных типов сред, как и их влияния на формирование и развитие личности [4].

В этом отношении заслуживают внимания исследования немецкого психолога гуманистической ориентации Х. Томэ [4], российского психолога К. А. Абульхановой-Славской [3] и др. На основании психобиографического метода, используемого в рамках когнитивной теории личности, Х. Томэ интегрировал "теорию поля" К. Левина о психологическом единстве человека с окружающей средой, основные позиции когнитивной психологии и идеи Г. Мюррея о тематическом структурировании личностью своих жизненных проблем с собственными разработками по исследованию личности в повседневной практике. Исходя из основных когнитивистских постулатов, Томэ выводит целый ряд адаптивных форм приспособления человека к социально-средовым условиям бытия или, как он их называет, "техник бытия".

Среди этих техник Томэ различает две категории: те, которые реализуют общепсихологическую систему приспособления, и те, которые являются ситуативно специфическими реакциями. Они взаимодополняют друг друга и составляют некий "репертуар" конкретных техник, когнитивных репрезентаций, доминирующих форм поведения. Это дало автору основания для своеобразной личностной классификации по типам.

1. Личность первого типа ориентирована на достижение, на изменение окружающего мира, на использо-

вание шансов и апробирование собственных возможностей.

2. Личность второго типа принимает свое положение таким, каково оно есть, и ориентируется на внутреннее изменение.

3. Для личности третьего типа характерна покорность судьбе, деятельная сторона выражена очень слабо.

4. Четвертый тип личности определяется чувством горечи и разочарования с выбором техники сопротивляться всему, отсутствием заинтересованности в будущем.

К. А. Абульханова-Славская, исследуя индивидуально-личностные стратегии адаптивного поведения россиян в условиях социальных преобразований [3], приходит к выводу, что сознание и мышление есть обобщенные личностью категории "того способа жизни, которого она сама сумела достичь в конкретных социальных условиях" [3, с. 40]. На основании большого эмпирического материала автор, как и Х. Томэ, выделяет четыре типа людей по критерию субъект-объектных отношений с обществом в их собственном представлении.

1. Тип человека, представляющий себя в качестве объекта, от которого ничего не зависит, воспринимает общество как субъект управления или произвола. У людей этого типа (О—С), согласно данному исследованию, в основном сохранилось старое ценностное сознание с ориентацией на социализм, жизненная позиция не адаптирована к новым условиям, мышление преимущественно констатирует социальные проблемы, чаще узкопрофессионально направленно, пассивно. Представители: профессиональные служащие, рабочие, специалисты среднего социального статуса.

2. Тип людей, который и себя, и общество видит в качестве объекта (О—О). Сознание таких людей отчуждено, построено на безличной функциональной

(рутинной, бюрократической) связи себя с обществом. Мышление противоречиво или не соответствует новым ценностям, консервативно, с потерей понимания происходящего, утратой смысла и способности смыслообразования, жизненная позиция не адаптирована. Законопослушные пенсионеры, служащие, специалисты.

3. Тип адаптивного поведения, когда сам человек выступает как субъект, а общество — объект взаимодействия (С—О). Для таких людей характерно сознание, которое совсем недавно было типичным для миссионеров и диссидентов: считать себя призванным спасти народ. Сегодня — это сознание народившегося класса предпринимателей, изменилась только модальность: из объекта спасения общество превратилось в объект использования. Мышление активно, консервативно, направлено на конкретно-ситуативные проблемы. Жизненная позиция обладает двойной адаптированностью — по линии ценностей и по линии социального престижа.

4. Тип людей, у которых в самосознании и общество, и "я-представление" выступают в качестве субъектов взаимодействия (С—С). Для них характерна изначальная противоречивость, поскольку "логика" общества и "логика" субъекта не совпадают, всегда образуют противоречия, требующие разрешения, аргументации, урегулирования, согласования. Но поскольку и общество, и субъект предполагают уважение взаимных "прав", то сознанию такого типа свойственна склонность к плюрализму, теоретизации, проблематизации. Измененная позиция не адаптирована к динамике рыночных отношений. Однако благодаря склонности к теоретическому мышлению и плюрализму жизненной позиции люди такого типа, по мнению К. А. Абульха-новой-Славской, способны не только успешно адаптироваться, но и вы-

полнять определенную конструктивную роль в обществе. Это люди науки.

Как явствует из двух последних подходов, *экопсихологическая проблематика не ограничивается природно-средовыми взаимоотношениями, а выходит в более широкую плоскость эколичностного и социального пространства.* Такая проблематика актуальна и в Украине в связи с последствиями Чернобыльской катастрофы. Типы жизнедеятельности, как и техники бытия, их субъективные образы в экологическом сознании ждут своих исследований в экологической психологии.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что такое образ мира? Субъективный образ мира и психологический процесс восприятия: сущность и соотношение понятий.
2. В каких измерениях представлен субъективный образ мира у человека? Чем открывается предметный мир для человека в так называемом пятом "квазиизмерении"?
3. Как психологически соотносятся понятия "значение" и "смысл"?
4. Что такое "свойства второго рода" в субъективном образе мира?
5. Как строится образ восприятия?
6. Как возникает у человека образ мира?
7. Из чего состоит психологическая структура субъективного образа мира? Осознаются ли ядерные структуры? В каких формах они проявляются?
8. Какую функцию осуществляет субъективный образ-представление? Как он соотносится с сенсомоторным отражением?
9. Какие структуры субъективного образа объективно изучаются традиционными средствами психодиагностики? Какие из них не диагностируются на сегодняшний день? Почему?
10. Как представлена в субъективном образе мира психология образа жизни? Как соотносятся понятия "субъективный образ жизни" и "субъективный образ мира"?
11. В каких взаимоотношениях находятся индивидуально-личностные и социальные представления в субъективном образе мира у человека?

12. Какие типы каузальной атрибуции выделяют в социальных представлениях обыденного сознания?
13. В чем главный смысл и характерные особенности индивидуально-центрированной типологии личности Х. Томэ и социально-ориен-тированной типологии личности К. А. Абульхановой-Славской?
14. Какие характерные черты развития исследований в экологической психологии XX в.?

3.2. Экопсихологические корни украинской национальной культуры и ментальности

Становление и развитие экологической ментальности возможно при условии содержательной ориентации индивидуального и общественного сознания на человека, нацию, духовную культуру, общечеловеческие интересы, морально-этические, эстетические ценности. В сочетании с духовными экологические категории сознания непосредственно участвуют в создании и проявлении украинского менталитета.

Известно, что самореализация человека осуществляется через различные формы деятельности, совокупность которых составляет понятие “образ жизни”. А с другой стороны, реализация способностей и возможностей всех сущностных сил человека в разных видах жизнедеятельности есть не что иное, как культура. Жизнедеятельность является смыслообразующим компонентом и в понятии образа жизни, и в понятии культуры. Исходя из сказанного образ жизни можно определить как совокупность устойчивых, типичных для данного общества видов жизнедеятельности, которые проявляются в определенной форме труда и производства, поведения и действий, во всех формах и сферах жизни — экономической, политической, экологической и др. Образ жизни и культура характеризуют человеческую

деятельность и определяются ею. Но образ жизни — понятие более широкое, чем культура. Если **образ жизни** — совокупность всех проявлений человеческой жизни и деятельности, то **культура** рассматривает деятельность людей как реализацию и самореализацию, воплощение творческого потенциала людей и человечества во всех разнообразных формах. Сфера духовных интересов чрезвычайно широка и включает помимо культурных мировоззренческие, познавательные, этические, экологические, моральные, религиозные и другие ценности. Но чтобы определить понятие духовности, нужно обратиться к социальной сущности общественного бытия. Известно, что **духовность** одновременно может пребывать как в составе, так и за пределами сознания, ибо духовная жизнь наполняет и осознаваемые, и подсознательные, и полуосознаваемые установки. Предметно же духовное подразделяется на три большие области: мир чувств, мир мыслей и мир человеческой воли. В составе духовности выделяются сенсоценностные, интуитивные, эмоциональные, целеобразующие и волевые компоненты, которым присущи черты познавательной, ценностно-целеобразовательной, коммуникативно-социальной активности. Совершенно очевидно, что духовное входит в состав культуры.

Культура — это исторически определенный уровень развития общественной жизни, творческих сил и способностей человека, а также создаваемых им материальных и духовных ценностей. В широком смысле понятие “культура” употребляется для характеристики исторических эпох, конкретных обществ, народностей, наций, специфических видов деятельности или жизнедеятельности. Наиболее распространенное представление о культуре используется в его узком смысле, как о сфере духовной жизни людей, включающей в себя результаты познания, нормы морали и права, человеческие силы и

способности — знания, умения, уровень интеллекта, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, способы и формы общения.

Будучи культурогенным по своему происхождению и сущности, экологическое сознание, как и сознание вообще, реализуется в человеческом мировоззрении. С другой стороны, культура есть порождение сознания, а также его составляющая, неотъемлемая сущность человеческого опыта. Поскольку данные понятия тесно взаимосвязаны, но не идентичны, в них можно выделить целый **ряд общих признаков**.

1. Вектор направления — **в постижении действительности "изнутри",** от "я" индивида, ибо оттуда формируется отношение личности и общества, создается целостное мировосприятие, представление о предметах и явлениях действительности в их взаимосвязях, гармонии, целесообразности.

2. Признание значимости категории **ценностей** как нормативной модели целенаправленной активности, как **ориентировочной основы психического действия** по отношению к действительности. Знаково-символическая опосредованность восприятия действительности (сознание — речь; культура — ценность).

3. **Целеобразование** интенциировано извечно проблемным вопросом **"смысла жизни"**, что проявляется в характере видения жизни, того, что в ней происходит и достигается.

4. Непрерывное развитие, рост, последовательное выявление **потенциально скрытых**, ранее неизвестных граней действительности, в том числе собственных резервов, способностей, возможностей.

5. **"Инструментальность"** опосредования **выбора и решения**, а также связанного с ним чувства ответственности в действиях, поведении и деятельности. Как сознание, так и культура в составе субъективных ценно-

стей (в каком бы виде они не существовали, они причастны к сознанию) опосредуют принятие решений или направление их выбора и обоснования.

6. **Направленность на будущее** через постижение настоящего и прошлого ради перспективы за счет определения и обобщения того единичного, оригинального и неповторимого, что есть в природе и в каждом индивиде.

7. **Стремление к целостности и гармонии** через постижение действительности с учетом интуиции, сопереживания, общения, понимания и отождествления себя (как индивидуального, так и общественного бытия) с явлениями экоса, природы, космоса.

Учитывая эти основания сущностного единства культуры и сознания, народная традиция всегда использовала формирование одного через другое, создавая и развивая фундаментальные ценности массового сознания, которые содержатся в понятии “менталитет”.

Ментальность отражает духовный мир человека или социальной общности в контексте соответствующей эпохи или этнокультуры. К этому духовному миру относятся субъективные представления людей, верования, установки, направление мыслей, манера чувствований, стереотипы восприятий и поведения, стандартные способы решения различных жизненных проблем. **Менталитет** моделирует не только направление мыслей, но и создает мотивационно-смысловую ориентацию самосознания, не только концептуализирует внутренний мир людей, но и объединяет сознание индивида с коллективным сознанием.

При изучении понятия менталитета исходят из того, что данная категория общественного сознания характеризует именно специфику психологического отражения внешнего мира, а также особенности типичного реагирования достаточно большой общности людей. Мента-

литет, однако, не сводится к категории общественного сознания, а лишь характеризует определенную особенность этого сознания. В самом общем плане **ментальность может быть определена** как заданная, характерная для определенной культуры специфика психической жизни, мироощущения и социального бытия, обусловленных всей совокупностью жизнедеятельности — экономической, политической, культурной, экопсихологической и др. Такое понимание перекрещивается с понятием **"национальный характер"**, под которым имеют в виду присущее представителям данной нации содержание основных личностных черт, систему доминирующих в этносе представлений, установок, ценностных ориентаций, направленностей, верований, умонастроений и т. п.

В состав менталитета входят когнитивные составляющие в виде знаний, которыми владеет общность людей, верований и миропредставлений, в том числе и экологических. Эти основания вместе с архетипами коллективного подсознательного составляют иерархию ценностей, характерных для данного этноса. Можно определить и **национальный характер** как составную часть менталитета, как интегрированную характеристику психологических особенностей, специфическое совпадение устойчивых личностных свойств представителей конкретного народа.

Украинский менталитет — это итог отображения специфики взаимодействия украинцев с исторически сложившимися природными и геоклиматическими условиями существования и сосуществования с другими народами.

Природные влияния на украинский менталитет особенно значительны. Сложилось так, что сама природа обусловила множество традиций, обрядов, народных праздников. Специфика украинской ментальности во

многом определяется спецификой опорных ее элементов — значений, смыслов, образов, ассоциаций. Природная детерминация украинской ментальности проявляется и в развитом образном мышлении украинцев. Явления окружающей среды воспринимаются и осознаются украинцами при помощи определенных "посредников", в качестве которых нередко выступают солнце и земля, дождь, деревья, растения, вода, река, пруд, животные и т. п. В украинском фольклоре содержится множество устойчивых растительных и животных образов, которые стали символом определенных человеческих качеств: барвинок — символ молодости, явор — символ красоты и любви и т. д. Природа влияет на формирование украинской ментальности посредством подобных символов своеобразно и действенно. Поэтому *важным фактором украинской ментальной этнокультуры стали природно-натурального происхождения народные традиции, нормы поведения, ценности, идеи, а также обычаи, обряды, ритуалы.* Поскольку природа, ощущение, чувствование и понимание ее, сознательное следование ей повлияли и влияют на специфику **украинской ментальности**, то основными **природно детерминированными** ее **характеристиками стали:** *хозяйственный индивидуализм, обостренное чувство собственности, интроверсия, стремление разнообразить подворье, трудолюбие, доброжелательность, чуткость, мягкость, развитое воображение, сентиментальность.* Украинская душа пребывает в чувственной плоскости настроения и находит себе выражение в лирической песне. Поэтический песенный лиризм в украинском народе испокон веков живет, вновь и вновь рождается, растет, расцветает либо грустит, плачет и страдает. Вместе с тем исследователи черт национального характера *отмечают в украинцах надежность и спокойную сосредоточен-*

ность, наблюдательность. Но как замечено, опять-таки в специальных исследованиях, *сила эмоционального мечтательства может понижать в украинском характере роль рационально-волевой компоненты, что создает предпосылки для нерешительности, трудностей с выбором, иногда неопределенности.* В геопсихическом контексте чувственного восприятия мягкости лесостепи и обширных просторов полей усматривается *созерцательность украинцев.* Вчувствование в степные просторы порождает "эрос" — осязание любви к бесконечному, абсолютному, великому.

ЯВЛЕНИЕ НАТУРНАЛИЗАЦИИ В УКРАИНСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

На протяжении всей давней истории украинского народа отмечается стремление людей жить в согласии с природой. В Украине издавна понимали, что человек — неотъемлемая частица природы, поэтому между свойствами природных условий и народной психикой установилась тесная связь.

Природные условия и ресурсы обусловливают не только характер материального производства, но и духовную активность, мировоззрение.

Что касается человека как составной части природы, то, по мнению О. М. Бабия [6], он представляет собой открытую систему. Этим человек отличается от других живых существ, которые находятся в замкнутой системе — в среде, которая для каждого вида является специфической. Постоянный выход человека за пределы существующего, за пределы самого себя, способность к мышлению дает ему возможность подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны. Все человеческое существование обусловлено, определено средовыми условиями. Но собственно человеческим оно становится лишь тогда, когда и поскольку оно возвы-

шается над собственной определенностью, выходит за ее пределы.

В исторической жизни славян возникала гомогенная культурно-этическая целостность духовно-чувственных отношений, где человек был не только измерением пространства, но и его творцом. В славянском православном мироотношении человек переносил свою духовность на мир и своеобразно преобразовывал его в сфере собственных переживаний и представлений.

В украинском менталитете веками складывался архетип отношения к природе как к родительскому, родному, самому ценному, исходящему от исключительной важности всего природного в жизни вообще. Это побуждало как к диалогу с природой, так и к обращению к ее мудрости, использованию этой мудрости в практических делах, гнозисе, творчестве. Записи народных песен, легенд, рассказов, гаданий, народных верований, пословиц и т. п. составляют ценный материал для изучения народной экопсихологии.

Актив исторической народной мудрости, архаической культурной традиции представляет для нас интерес не только как историческая памятка, но и как материал для изучения древнего народного экологического мышления, специфического экоречеобразования, собственно экологического миропонимания. Это познание всего того, что способно помочь в постижении будущего через понимание прошлого и настоящего.

Верования, приметы и поговорки, пословицы и легенды лежат в основе мировоззренческих представлений людей и наполняют их духовную жизнь. Устное народное творчество вобрало в себя все богатство жизнеутверждающих идей отношения к природной и социальной, культурно-бытовой атмосфере своего времени, иными словами, к экологической действительности в широком смысле этого слова.

Экологическое сознание в Украине складывалось как инвариантное, поскольку опосредовалось целым рядом региональных особенностей (полесский, подольский, карпатский, средненадднепрянский, южноукраинский и другие варианты).

Обращаясь к истокам народного творчества, нетрудно заметить, что симптоматичным для него есть то, что в нем в той или иной форме практически всегда присутствует контекст, который сегодня мы называем экопсихологическим. Жизнь в соответствии с природой в Украине всегда считалась добропорядочным и достойным человека делом.

Экологическое сознание наших предков в украинском народном эпосе приобретает характер **натурализации**, т. е. склонности к сопоставлению, сравнению, идентификации социальной и духовной жизни с явлениями природы. Благодаря натурализациям, путем причинно-следственных или аналоговых обобщений личность или(и) ее качества относятся к какому-либо классу природных явлений (говорят "*калина красная*", если хотят подчеркнуть девичью красу, или "*дуб-дубом*", когда имеют в виду низкий уровень личности, "*вьюн*" передает вертлявость человека, или, скажем, "*ясное солнышко*" — желание образно выразить свое позитивное отношение к человеку). Много таких и подобных им выражений-натурализаций мы употребляем, даже не подозревая, что это явления экологической психологии, аллегорическое отнесение себя к природной сущности.

Натурализации могут быть и парциальными, к примеру, "*у него железные нервы*". И в том, и в другом случае натурализации являются продуктом аналитико-синтетической деятельности человеческого мышления. В создании специфических обобщений, тождеств или классификаций типичных человеческих проявлений, их

идентификации с явлениями природной среды угадывается намерение не отмежевываться от натуральной своей сущности, а быть ею. Аллегории аналогичного содержания могут переходить в состав общественного сознания, и тогда они обретают специфическое значение **экосентенций** (от греч. *oikos* — среда и лат. *sentencia* — суждение) в виде присказок, поговорок, хотя могут существовать и на уровне индивидуального сознания, не приобретая значения социальных стереотипов.

Каждый может вспомнить, сколько мы непроизвольно делаем подобного рода натурнализаций, а потом даже удивляемся, как удачно это у нас получилось. Психологическая природа натурнализации обыденного сознания указывает на ее причастность к экологической, природной действительности, а корнями своими она уходит в эмоционально-когнитивные, условные символико-знаковые стороны "я-отношения" человека к природным своим истокам. Именно благодаря этому через аллегорию эмоциональных связей натурнализация реализует процесс единения человека с каким-либо явлением природы (мы говорим "*цвету-щая весна*" или "*пора золотой осени*", отождествляя человека определенного возраста, имея в виду юность или зрелость).

Так сложилось, что натурнализация создает обратное явление: усматривать в природных событиях продолжение, "очеловечение" природы (весной "*земля дышит*" или "*одевает кожух*" зимой). Через натурнализации люди склонны также наделять себя такими природными качествами, которые им не свойственны, и метафорически переноситься в иные плоскости своего природного бытия (ученику, который задумался и отвлекся от урока, мы делаем замечание: "*Не летай в облаках, вернись на землю*").

Натурнализации разного содержания и значения, если являются удачными, порождают стремление людей употреблять их повторно. Став достаточно распространенными, они обретают новое качество, создавая поговорки, присказки, т. е. становятся экосентенциями. Примером таких стереотипизированных экосентенций могут быть выражения типа: "*крепкий орешек*", "*быстрый как смерч*" и др., поговорки типа: "*телячьи нежности*", "*медвежья услуга*", "*заячье сердце*" и т. п. С точки зрения экосентенций — это метафорические обобщения в культурно-историческом опыте здравого смысла определенных категорий биологической, природной или первично-натуральной сущности человека, отождествления его с природными явлениями.

Не менее выразительными и распространенными проявлениями массового сознания в отношении природного источника являются легенды, мифы, пересказы, притчи, сказки, обрядовые песни, пословицы, заклинания и другие формы устного народного творчества.

С древних времен особо почитаемой людьми была земля. Не было большего союзника, защитника и друга, чем земля. Поэтому в присказках и пословицах ее называют матушкой. Образы земли и воды присутствуют во многих пожеланиях: "*Будьте здоровы как вода и богаты как земля*" или "*Земля — самая богатая, а вода — самая сильная. Чего и вам желаем*".

Вода в народном сказании стала своеобразным культом. С особенной тщательностью люди охраняли и приукрашивали родники и криницы, колодцы. Всегда считалось святотатством плевать в воду, говорить непристойности у воды. Или даже любоваться собою в ее зеркале — "*затянет водяная баба*", "*хорошиться над водой — обсядет на щеках оспа*". И здесь не запугивание, а почтение и уважение к природному — во-

да, ведь она всегда была чистой. И пословица о том же: "*Не плюй в криницу — придется напиться*".

А сколько песен в украинском фольклоре о кринице. Возле криницы загорается жар любви, у колодца ухаживает козак за дивчиной. Вспомним хотя бы: "*...Розпрягайте, хлопці, коней та й лягайте спочивать, а я піду в сад зелений, в сад криниченьку копать...*". И далее у той самой криницы разыгрывается лирическая сцена объяснения молодых. Или всем известная украинская народная песня "*Туман яром, туман долиною*": "*...Під тим дубом криниця стояла, в тій криниці дівка воду брала...*". Снова в лирико-поэтической форме развертывается сцена ухаживания: поводом тому была криница, спущенное в воду ведерко, а лейтмотивом — девичья гордость, чистота отношений, надежда, своеобразный призыв к любви, глубина человеческих чувств, кристальных как вода.

У наших предков господствовал культ дерева. Вспомним, в той же песне: "*...Тільки видно дуба зеленого...*". В самом деле, в традициях украинского народа образ дуба занимал видное место, ибо отождествлялся он с силой и могуществом. Как и у других народов, особенно у восточных славян, дубу поклонялись как очагу и храму, могуществу самого большого божества. В Киеве на Михайловской горе (ныне Владимирская горка) язычники поклонялись дубу-великану в одиннадцать обхватов. Запорожские казаки собирали воинские советы, осуществляли ритуалы, просто отдыхали под вековым дубом, который простоял более 400 лет, живой и ныне, но, к великому сожалению, засыхает на наших глазах (специалисты считают, что не без давления на него современной экологической ситуации: духоты и смога).

Среди тотемов-деревьев большим уважением пользовалась сосна. Под ней хоронили усопших, правили тризну, осуществляли обряд жертвоприношения. При-

родные свойства этого дерева всегда ценились — и как строительного материала, и как оздоровительного фактора атмосферы.

Но особым вниманием и уважением в Украине всегда пользовалась верба. Пословица гласит: "*Будь высоким как верба, а богатым как земля*". Трудно представить себе традиционное украинское село без вербы. Ею обсаживали огороды, проселочные мостики и пруды, берега рек, аллеи, заливные луга, болота. Верба в поле — это не только пейзаж, оазис прохлады для труженика, но и пристанище для гнездования птиц, укрытие зверюшкам. Верба служит природным фильтром для воды, и не случайно люди брали воду для питья именно под вербой. С вербовой лозы сплетали огорожи, и вскоре подворье обрастало густым кружевом деревьев. Как в одной из песен: "*На городі верба рясна, там стояла дівка красна*". Вербу человеческое сознание отождествляло с девичьей красотой, ее святят в предпасхальное Вербное воскресенье, букетом ее пушистых почек украшают домашний очаг, даже мастерят из вербовых черенков свистки. Говорят: "*Зацвела верба — пришла весна*".

Тополь — любимое дерево в народном украинском эпосе. В народных песнях с этим деревом (которое в украинском языке женского рода — "тополя") сравнивается красивая, стройная девушка или молодая замужняя женщина. Широкоизвестный сказочный мотив обращения девушки в тополь использовал Т. Г. Шевченко в своей балладе "Тополя". В первой половине XIX в. существовал обряд "Водить тополю", который использовался на Троицу "Зеленое воскресенье".

В украинском фольклоре одним из любимых поэтических образов была и остается поныне калина. Ее всегда сопровождает эпитет "червона" ("красная"), что

символизирует девичью красоту, потенциальную темпераментность, невинность, природную свежесть. Калина всегда широко использовалась в народных обрядах, особенно свадебных. Вместе с тем, склоненная над водой, калина — символ печали, уныния, кручины. Множество народных песен оплакивают судьбу девичью, прибегая именно к образу калины.

В народных украинских поверьях считалось греховным строить из дерева, пораженного молнией. Липу принимали как защитницу от грома и молнии, поэтому именно ее чаще всего высаживали вдоль дорог, возле подворий или у культовых сооружений и дворцов.

Своеобразную символику получила и осина, которую сажали вблизи жилища, поскольку она, как считалось, отпугивает и отгоняет нечистую силу. К слову, этические нормы украинского народа запрещали без особой нужды вырубать деревья, а тем более уничтожать зверей и птиц, убивать их по прихоти.

Около сельских хат украинцы испокон веков сажали чабрец, мяту, руту, любисток, и это стало традицией, что свидетельствует о высокой эстетической культуре жителей украинской земли.

Издавна в Украине придерживались обычая, согласно которому при рождении сына отец высаживал два желудя, а если рождалась дочь — калиновое зерно, поскольку дуб олицетворял мужество и силу, а калина — семейное счастье.

Многие растения получили в народе свою символику и признаки экопсихологических примет натурнализации: береза — символ женственности, дуб — мужественности, мята, рута и лебеда — символ девственности, хмель — непостоянства, василек — знак любви и т. п. Много символов и животного происхождения: голубь — птица любви, ласточка — хозяйственности, кукушка — долголетия, куница — невеста и т. д.

Всего не перечислить, однако все это — определенные формы натурнализации обыденного экологического сознания.

В традиционных представлениях украинцев видное место занимал богатый и разнообразный мир животных. Звери, птицы и пресмыкающиеся, земноводные и насекомые присутствуют в народных обрядах, гуляниях и играх, в системе примет и предсказаний. Есть все основания усматривать в этом рудименты языческого культа животных в сращивании его с более поздним наслоением христианского мировоззрения и практического опыта, эмпирического познания.

Вопросы истоков народного творчества чрезвычайно интересны не только своими прямыми аллегориями, но и анализом причин, которые пробуждают в человеке его творческое начало, обусловливают обращение к своей природной сущности, реализацию их в жизни и повседневной практике.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что такое образ жизни (сравните его с понятиями “субъективный образ” и “образ” как представление)?
2. Как можно определить понятие “культура”, используя понятие “образ жизни”?
3. Является ли образ жизни составным элементом культуры или, наоборот, культура входит в образ жизни людей?
4. Какова функция культуры в развитии общественного сознания?
5. Что общего имеют сознание и культура, если рассматривать их в составе субъективного образа жизни? Назовите семь наиболее существенных общих признаков культуры и сознания.
6. В чем сущность понятия “этническая культура”?
7. Как определяется понятие “менталитет”? В чем его психологическая сущность и родство с понятием субъективного образа-представления?
8. Как соотносятся понятия “менталитет” и “национальный характер”? Место образа жизни в структуре этих понятий.

9. Какие специфические черты можно выделить в содержании украинской ментальности? Раскрыть содержательно.
10. Детерминированы ли черты национального характера спецификой украинской ментальности? Как это выглядит?
11. Какова роль природного, экологического начала в украинской ментальности? Раскрыть содержательно, проиллюстрировать примерами.
12. Что такое “натурнализация” экологического сознания? Обосновать и проиллюстрировать примерами.
13. Что такое “экосентенции” обыденного экологического сознания? В чем они проявляются?
14. Какая роль в украинской национальной традиции отводится природным объектам (привести примеры и объяснить психологическую природу). Не является ли это этническим источником экологической психологии украинцев?
15. Какова роль экологической психологии в формировании и развитии экологического сознания наших современников? Имеет ли отношение экологическая психология к экологическому обучению и воспитанию? Если имеет, то какое?

Раздел IV

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МЕТОДОМ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

4.1. Методические возможности и средства психодиагностики экологического сознания. Методы сбора и анализа смысловой экопсихологической информации

В экологической психологии наиболее результативным методом исследования являются полевые исследования массового экологического сознания. **Полевое исследование** в экологической психологии — это форма или тип исследования социально-психологических явлений, связанных с экологической ориентацией, поведением и деятельностью тех или иных сообществ людей в естественных условиях проживания. Полевое исследование — это прежде всего изучение экоценностных ориентаций ограниченных в пространстве общностей людей, социальных или профессиональных групп, в естественных повседневных заботах, обычных

условиях и рамках жизнедеятельности. **Основная цель** полевых экопсихологических исследований — открытие еще неизвестных процессов, явлений и определяющих факторов экологического сознания. В зависимости от задач, используемых организационных и психодиагностических средств в экологической психологии выделяют три типа полевых исследований.

1. **Пилотажное исследование** — предусматривает сбор разнообразной информации, подробное описание феноменологии, частных случаев, исключительных явлений в экологической сфере, особенно их отражения в сознании людей, в их переживаниях, мыслях и суждениях.

2. **Диагностическое исследование** — в полевых условиях осуществляется уточнение экопсихологической феноменологии с применением специальных методик, открываются новые явления, которые невидимы из наблюдений и бесед, уточняются психологические или социальные механизмы их действия, даются пояснения фактам, устанавливается истинная картина экопсихологической действительности.

3. **Экспериментальное исследование** — направлено в основном на проверку гипотез, теоретических представлений, сложившихся или выдвигаемых концепций, но может быть также ориентировано и на внедрение неких коррекционных программ, информационных блоков, приемов психологической поддержки, социально-педагогических, медико-психологических и других новаций. Экспериментальное исследование призвано проверить, уточнить, оценить экопсихологическое явление, в отдельных случаях выполнить экспертизу предпринимаемых мер, определить направления профилактики нежелательных вариантов развития.

Полевое исследование предполагает обеспечение такого присутствия наблюдателя, которое не искажает ес-

тественный ход наблюдаемых процессов. В опыте "Черниговской экопсихологической инициативы" (общественно-научной психологической организации) сложился вариант студенческих велосипедных экоэкспедиций, когда небольшая группа студентов экобиологов во главе с преподавателем на своих велосипедах во время летних каникул выезжает в населенные пункты, отнесенные к разным зонам радиактивного загрязнения, и в непроизвольной форме осуществляет спланированные исследования. Это воспринимается в качестве естественного любопытства и познания, интереса к жизни и быту простых людей, обмена мнениями и взаимного информационного обогащения.

В экологической психологии разными исследователями и научными коллективами применяются все типы полевых исследований, хотя продолжают доминировать пилотажные и диагностические. В арсенале экопсихологических исследований — множество общепсихологических, личностных и социально-психологических диагностик в соответствующих модификациях под экологическую проблематику, разрабатываются также оригинальные методы [12, 29, 35]. Однако исследования экопсихологических проблем выполняются не только в полевых условиях, но и в лабораториях, студенческих аудиториях и школах, в трудовых коллективах, в практической работе и при психологических консультированиях.

Следует отметить, что из-за неразработанности концептуального строя и терминологического аппарата экологической психологии как новой отрасли научно-практического знания диапазон специфических приемов и методов диагностики на сегодняшний день весьма ограничен.

В экопсихологических исследованиях широко используют анкетирование. **Анкета** (от франц. *enguete* —

список вопросов) — методическое средство для получения первичной социологической, социально-психологической или экопсихологической информации на основе вербальной коммуникации. Анкета представляет собой набор вопросов, каждый из которых логически связан с центральной задачей исследования. В экологической психологии анкеты ориентированы на узловые проблемы экологического сознания конкретного региона. Поэтому в экопсихологической анкете используется прием перевода основных гипотез планируемого исследования на язык вопросов. **Анкета составляется** так, чтобы обеспечить получение ответов такого содержания, которые правдиво отражали бы действительность как по отношению к опрашиваемым, так и по отношению к проблеме. Особенно важно, чтобы вопросы отвечали критериям валидности, надежности и достоверности. Чем валиднее анкета-вопросник, как, впрочем, и любой иной тест, тем точнее отображается в нем то качество (свойство или явление), ради изучения которого он создавался. Иными словами, **валидность** — это соответствие предмету измерения.

Надежность анкетирования, как и других измерений, определяется их качественностью, т. е. устойчивостью (стабильностью) результатов к влиянию погрешностей в повторных измерениях. **Достоверность** измерений определяется незначительным колебанием точности получаемых суждений, не превышающей 5-процентного отклонения от статистической истинности (т. е. единичное явление измеряется диагностическим инструментом в плане выявления его тенденциозности так, что погрешность в измерении на 1000 аналогичных явлений не превысит 5%). Такой уровень погрешности вполне допустим в социальных, психолого-педагогических, экопсихологических измерениях. Поэтому при разработке экопсихологических анкет их проверяют на соответствие указанным критериям.

Составление ценной в экопсихологическом отношении **анкеты** — весьма непростое дело, предполагающее целый **ряд этапов**. На **первом этапе** разработки анкеты определяется ее содержание. Это может быть круг вопросов о фактах жизнедеятельности в изменившихся условиях существования, отношение к экологически вредным факторам существования, о самочувствии в прошлом и настоящем, приоритетах в экодиспозициях и пр. Если помимо самого мнения важно знать и его интенсивность, то в формулировку вопросов включают соответствующую шкалу оценок.

Второй этап в разработке анкеты — выбор типа ответов: открытые, закрытые. По функции вопросы могут быть основными или наводящими, контрольными или уточняющими. В открытых вопросах опрашиваемый может строить свой ответ в соответствии со своими желаниями как по содержанию, так и по форме, а в закрытых обычно допускаются лишь ответы “да”, “нет”. Тип вопроса может влиять на полноту и правдивость ответов, поэтому в экопсихологическом анкетировании чаще прибегают к смешанным типам формулировок. Следует избегать вопросов, в которых просматриваются скрытая заданность ответов, сверхдетализированность, двусмысленность, невыразительная дифференцированность

Третий этап в составлении анкеты связан с определением числа и порядка задаваемых вопросов. Последовательность вопросов бывает различной для разных типов анкетирования. Из нашего опыта изучения социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы следует, что вопросы целесообразно группировать блоками. Например, блок общих сведений, блок образа жизни и заботы о здоровье, блок оценки аварии как экологического события. В блоке вопросов общего порядка помимо общих сведений (возраст, пол, профессия) запрашивается содержательная информация:

субъективное мнение о справедливости отнесения населенного пункта к зоне радиационного загрязнения, об основных источниках продуктов питания, личной оценке своего здоровья. В блоке образа жизни — удовлетворенность жизнью (как она сложилась на момент анкетирования); экологическая и социальная детерминация самочувствия; формы отдыха и рекреации; жизненные изменения последнего времени; причины этих изменений, отношение к ним. В третьем блоке нашей экопсихологической анкеты выясняется общая осведомленность в экологии и, в частности, в вопросах, связанных с воздействием радиации, субъективный образ Чернобыля, отношение к государственным мероприятиям по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, к планам относительно дальнейшей эксплуатации ЧАЭС.

Составленная анкета в зависимости от обстоятельств, целей исследования и контингента опрашиваемых может использоваться и как анкета, и как полуструктурированное интервью.

Полуструктурированное интервью (от англ. *interview* — свидание, встреча, беседа) — целенаправленная беседа, цель которой получить ответы на вопросы, предусмотренные программой исследования. **Преимущества** полуструктурированного (заданного по форме и содержанию) **интервью перед анкетным опросом**: возможность учесть уровень культуры опрашиваемого, его отношение к теме опроса или отдельным проблемам, выражаемое интонацией, мимикой, репликами; возможность гибко менять формулировки вопросов с учетом личности опрашиваемого и содержания предшествующих ответов; ставить дополнительные, т. е. уточняющие, контрольные, наводящие, поясняющие и другие вопросы. Отметим, что в полевых экопсихологических исследованиях использование полуструктурированного интервью достаточно хорошо себя зарекомен-

довало. Сельский житель, особенно зрелого возраста, настороженно относится ко всему, что записывают с его слов, и охотно вступает в беседу без каких-либо записей. Поэтому структура интервью-анкеты запоминается исследователем и в соответствии с ней строится беседа. По окончании этой работы в том или ином населенном пункте участвующие в исследовании студенты и преподаватель-психолог выезжают (на велосипедах) за околицу, рассаживаются подальше друг от друга и записывают все, что получили в беседах, интервью, наблюдениях. В этом есть свои преимущества: одновременно мы используем еще один психологический метод — метод независимых экспертов.

Проведение интервью требует профессиональной подготовки, поскольку при интервьюировании недопустимы внушающие интонации, слишком замедленный или ускоренный темп речи, проявления равнодушия или, напротив, подчеркнутой заинтересованности. Необходимы навыки и умения интервьюеров приблизить, буквально соединить, найти "психологическое эхо" изучаемого с его внутренним миром, с его потаенными мотивами и смыслами. В каждом случае нужно стремиться к тому, чтобы человек с удовольствием делился своими мыслями по поводу задаваемых вопросов, чтобы он почувствовал, что это его дело, его интерес, а не интерес того, кто опрашивает.

Правила формулировки вопросов, последовательности простых и сложных, основных и дополнительных в интервью почти те же, что и в анкетном опросе, но помимо этого интервью активно использует развитие основного вопроса с учетом ситуации, допускает провоцирующие вопросы, возможность сомневаться в искренности ответа или его полноте, позволяет уточнять формулировки, переспрашивать, добиваться ясности и определенности позиции, воссоздавать обстановку про-

шлого или освежать память респондента, гибко варьировать прямые и косвенные вопросы.

Обработка материалов осуществляется качественными и количественными методами контент-анализа, иными формализованными процедурами с использованием методов вариационной математической статистики.

Если анкетирование и интервью — преимущественно формализованные методы экопсихологических исследований и сужают поле исследователя, фокусируя его внимание на определенных гранях проблемы, то **метод наблюдения** более свободен от гипотетической заданности познания действительности, поэтому широко применим в экологической психологии. Наблюдение — один из основных методов эмпирического исследования экопсихологической реальности. Он состоит в преднамеренном, систематическом и целенаправленном восприятии экопсихологических явлений с целью изучения их специфических особенностей в конкретных условиях. Это метод сбора первичной экопсихологической информации путем прямой и непосредственной регистрации событий, мнений и фактов, а также условий, в которых они имеют место. Наблюдение (если речь идет о научном экопсихологическом наблюдении) всегда **целенаправленно**, чаще всего **структурировано** заранее разработанной **программой** (фор-мализованное) или **планом** (неформализованное), **включенное** или **участвующее** и предполагает включение исследователя в наблюдаемые события и процессы. В экологической психологии обычно прибегают к **невключенному наблюдению**, т. е. когда исследователь не вмешивается в изучаемые события и явления, а осуществляет фиксацию и анализ материалов “скрытно” или же в таком присутствии, при котором истинные цели познания замаскированы. Конечно, это не исключает возможности

включенного наблюдения, когда исследователь “в натуре” живет в соответствующих исследованию экологических условиях и изучает их психологическую реальность как у себя, так и у других. В экологической психологии редко прибегают к лабораторным наблюдениям, да и вряд ли это целесообразно, за исключением имитационных игр или компьютерного моделирования.

В экологической психологии используют **систематические наблюдения** — наблюдения по заранее разработанному плану, рассчитанному на определенное время, и **несистематические, краткосрочные**, а также **разовые “срезы”**. Возможен и **лонгитюд**, отслеживающий развитие экопсихологического явления на этапе определенного жизненного периода человека или общности людей.

Кратковременные наблюдения, как и “срезовые” исследования, проводятся на стадии первичной “разведки” для формулировки гипотез, получения общего представления об изучаемом явлении перед организацией и планированием систематических исследований или(и) для контроля и дополнения данных, полученных иными способами (из документов, средств массовой информации, слухов, опросов и т. д.). **Систематические наблюдения** чаще выполняются в монографических исследованиях или в государственных научных темах, а также в случаях практического внедрения целевых социальных программ и технологий. Для этого за основу берется изучение одного или нескольких локализованных объектов, отражающих типологию экопсихологических явлений в их динамике, развитии или адаптации.

Каждое научное наблюдение включает элементы теоретического анализа (замысел, система методиче-

ских приемов, анализ или осмысление результатов, контроль), а также может использовать количественные методы анализа (контент-анализ, шкалирование, факторный, дисперсионный или кластерный анализ и пр.). Точность и глубина результатов наблюдения зависят от уровня знаний в области экологической психологии и других разделах психологической науки, подготовленности исследователя, поставленных задач.

В экопсихологическом наблюдении, исходя из целей и задач исследования, фиксируются отдельные события, факты и мнения, их частота, особенности, интенсивность, поведенческие действия людей, их высказывания, эмоции и чувства, суждения, общие и особенные проявления деятельности применительно к характеру воздействия конкретных экологических условий существования, как и прогнозов на выживание. Главные **преимущества наблюдения** — в непосредственности впечатлений исследователя, активном продуцировании идей и гипотез в ходе самого наблюдения. Но наблюдение всегда характеризуется некоторой субъективностью: в психологической интерпретации поведения людей сказывается личный опыт наблюдателя, привычные стереотипы его восприятия и суждений, эмоциональные отношения, ценностные ориентации и т. п. Наблюдатель нередко может исходить из собственной установки, благоприятной для фиксации определенного факта, или порождать интерпретацию факта в духе своих ожиданий, превращая факт в мнение. Через одно наблюдение невозможно гарантировать репрезентативность данных из-за трудностей практического охвата большого количества явлений и значительной вероятности ошибок в интерпретации.

Отказ от преждевременных обобщений и выводов, многократность наблюдений, особенно обращение к другим методам и способам сбора информации, приме-

нение психодиагностического тестирования, обращение к контент-анализу, математической статистике позволяют обеспечивать объективность материалов экопсихологического наблюдения.

Как один из методов качественного анализа в экологической психологии широко используется контент-анализ. **Контент-анализ** (от англ. *contents* — содержание) — метод выявления и оценки специфических (в нашем случае — экопсихологических) характеристик текстов и других носителей информации (газет, бесед, интервью, бытовых разговоров и т. п.) путем выделения, количественной и качественной обработки смысловых единиц содержания. **Сущность контент-анализа** заключается в подсчете того, как представлены в некотором информационном массиве интересующие исследователя смысловые единицы. Для экологической психологии представляет интерес само по себе обращение людей к экологической проблематике (как часто и к каким проблемам), характер отношения к ним, обеспокоенность, потребительство или стремление укротить природные начала, особенности переживаний, тревоги, надежды и т. п. Поскольку одно и то же смысловое содержание может быть выражено с помощью разных языковых и паралингвистических средств, то вслед за выделением смысловых единиц в экопсихологическом исследовании важно не только прибегать к конкретным эмпирическим индикаторам (показателям), но и учитывать эмоциональный фон, готовность следовать каким-то идеалам или ценностям, способность возмущаться, отстаивать позиции или быть индифферентными к экологическим явлениям, определять, куда ориентирована экологическая озабоченность — в прошлое, настоящее или будущее. Важна не только частота обращения к сфере экологии, но и сила постановки вопроса, интенсивность или масштабность той или иной смысловой

единицы экологического сознания (будь то в газете, повседневных разговорах жителей соседнего с химическим заводом села или в обыденном сознании рядового гражданина).

Из массы однородно собранной информации контент-анализ позволяет выделять также отдельные экопсихологические характеристики субъекта экологической деятельности (человека, группы или общности людей), их психические состояния, экологическую дееспособность. Так, в экопсихологических исследованиях автора, его студентов и сотрудников контент-анализ позволяет отслеживать естественный эволюциогенез психосемантики по мере отдаленности от Чернобыльской катастрофы 86-го года, фиксировать узловые моменты адаптоэкосоциогенеза обыденного сознания к последствиям этой катастрофы, выходить на обобщения и конкретные рекомендации.

Данный метод достаточно громоздок и кропотлив, осуществляется по системе своих правил и алгоритмов, отфильтровывает большие массивы неформализованной информации, поэтому дает исключительно важную ориентировку в общих тенденциях и закономерностях экологического сознания. Эффективность контент-анализа многократно возрастает благодаря использованию компьютеров и специальных программ для анализа текстовой информации. Заметную роль в повышении качества контент-анализа играет возможность использования методов многомерного статистического анализа данных, особенно факторного анализа, способного математически интегрировать скрытые за отдельными фрагментами тенденции и закономерности.

4.2. Методы и организация инструментального экопсихологического исследования

Материалы анкетирования, интервью, бесед и наблюдений не только дополняются и уточняются, но и углубляются с применением так называемого психологического тестирования. Хотя **тест** (от англ. *test* — опыт, проба, испытание) как метод психологической диагностики, использующий стандартизированные вопросы и задания с определенными шкалами значений, применим и в наблюдении, интервьюировании, анкетировании, тем не менее тесты в общепринятом обиходе принято относить к инструментальной психодиагностике.

Разумеется, психосемантика субъективного образа в экологическом сознании представлена не только четко осознаваемыми смысловыми конструктами с их объективированными значениями и персонифицированными личностными смыслами. Именно последние представляют особый интерес для экологической психологии. И лишь вершину айсберга, т. е. субъективно осознаваемую часть образа, мы обнаруживаем в наблюдениях, интервью и беседах. Массивное основание и тело этого субъективного экопсихологического образа мира надлежит искать на уровне установок, предрасположенностей, интуиции, склонностей, стереотипий, т. е. в области полу- и подсознательного. Для диагностики этих уровней психики прибегают к методам шкалирования и проективных тестов.

Одним из методов исследования сознания в экологической психологии может быть шкалирование семантики речевых образований при помощи **семантического дифференциала.**

Теоретически в содержании речи, а значит и в содержании слова (понятия), выделяют 4 категории значений:

1) **сигнификативное** значение (от англ. *significati-on* — значение, смысл, сущность, интенция) — значение, которое отражает сущность понятия, его содержание по существу;

2) **денотативное** значение (от англ. *denote* — обозначить, означить, очертить) — указывает на "объем понятия", его вместимость, размерность, широту;

3) **структурное** значение — отражает отношение между знаками в синтаксической организации выражения или предложения (синтагматическая или парадигматическая включенность);

4) **прагматическое** значение — это, скорее, не значение, а внеязыковая реакция, которая вызывается языковым знаком. Это оценка и эмоция — экспрессивная реакция человека на то значение, которое оно несет конкретно для него, отклик, отзвук в собственном понимании того, что содержит в себе понятие. Это содержание имеет прагматическую направленность, имеет для человека **персонифицированное значение**, потому к нему и есть эмоция, оценка, экспрессия, отношение. В слове, через слово или к слову (его значению) есть отношение. Само слово требует к себе отношения, ибо оно будто "ныряет" в пучину личностных смыслов, собственных интересов человека, его ценностей и, "выныривая", уже **несет в себе его отношения**, его эмоции, его значения. Это не просто значение, а понятие с наслоением субъективного смысла в нем.

Именно это, т. е. прагматическое, значение использует американский психолог Ч. Осгуд, предложивший в 1952 году **метод семантического дифференциала** [39]. Он предположил, что слова как стимулы вызывают у человека разные реакции, отличающиеся двумя при-

знаками: качеством и интенсивностью. Даже в школьных оценках используется этот принцип (знания оцениваются по качеству и интенсивности): отлично — хорошо — посредственно — плохо. Следовательно, значение слова может быть обозначено на шкале между двух полярностей *“отлично ... плохо”.* На этом и построен метод семантического дифференциала, когда предложенное понятие шкалируется субъективно в системе заданных полярностей из набора качеств для оценки.

Таким образом, метод семантического дифференциала предполагает количественное и качественное индексирование значения при помощи двухполюсных шкал, которые задаются парой антонимичных прилагательных. Между парой антонимичных оценок дается семь делений меры вхождения слова в данное качество. Например:

ТВЕРДЫЙ	сильно	средне	слабо	0	слабо	средне	сильно	МЯГКИЙ .

Сначала считалось, что любое слово человеческой речи может быть пропущено через бесконечное число шкал-качеств. Потом выяснилось, что между некоторыми группами шкал (разными качествами) существуют выраженные смысловые связи. Это значит, что качества могут быть из одного разряда или из разных. Специально проведенные эксперименты и факторный анализ их материалов позволили выделить **три основные независимые группы шкал**. Так, близкие по качеству признаки или факторы семантического измерения образовали три разные шкалы: **оценки, силы и активности**.

Первый фактор — **фактор “оценки”** представлен качествами типа “хороший — плохой”. Это действи-

тельно оценочные суждения, которые отражают ценностный знак отношения, субъективную значимость, саму ценность.

Второй фактор — **фактор "силы"**. Он обусловлен качествами типа "большой — маленький", что указывает на размерность, выраженность, численность, силу, весомость, массивность, насыщенность.

Третий фактор — **фактор "активности"** по типу "теплый — холодный", "активный — пассивный", что отражает интенсивность, действенность, напряженность, потенциальную, активную форму поведения, "сжатую пружину".

Размещение субъективного смысла предложенного для шкалирования понятия может быть интегрировано теперь по трем факторам: оценки, силы и активности. Полученный в диагностике фактический материал в зависимости от выраженности признаков (факторов) наносится на изометрическую трехмерную систему координат, на которой строится в некотором роде "семантическое поле", или смысловое пространство субъективного значения тестируемого понятия. Таким образом находится семантическое пространство, которое занимает то или иное понятие в индивидуальном сознании человека.

Разработанный Ч. Осгудом метод измерения прагматического значения понятий фактически дает основания исследовать не только субъективный смысл, но и эмоциональную окраску слов в индивидуальном их звучании. Метод проецирует своим измерением метафорическую сущность понятия, представляющего интерес для исследования. Именно этим он и ценен для экопсихологических измерений. Субъективные состояния, как и связанные с ними значащие переживания, в сложившейся постчернобыльской радиоэкологической обстановке с течением времени уходят глубоко в область подсоз-

нания, однако могут проявляться психоэмоциональными реакциями. Чтобы не провоцировать такие реакции, их можно изучать в семантических проекциях дифференцированного шкалирования, которое предложил Ч. Осгуд.

В практике наших исследований метод семантического дифференциала используется для изучения трех качественно разных когнитивных структур экологического сознания: *собственно экологической действительности* (атрибутики), наиболее распространенных *экозагрязнителей* и *психических состояний*. Категория экоатрибутивности экологического сознания определялась нами по семантическому шкалированию в дифференциале такими понятиями: земля, вода, воздух, продукты питания. В числе экозагрязнителей в семантическом дифференциале шкалировались понятия: промышленное загрязнение, транспортное загрязнение, химическое загрязнение и радиационное загрязнение. В этих же семантических измерениях дифференцировались тестовые понятия, отражающие субъективные состояния людей: жизненное настроение, нервное состояние, чувство экологического риска и понятие здоровья.

Критериальная основа качественного шкалирования включала 12 дихотомических прилагательных общего плана (по Осгуду): хороший — плохой, чистый — грязный, твердый — мягкий, тяжелый — легкий, большой — малый, громкий — тихий, высокий — низкий, далекий — близкий, активный — пассивный, теплый — холодный, острый — тупой, взволнованный — спокойный. Наряду с этим мы использовали также 12 дихотомических установок экологической ориентации: хорошо — плохо, чисто — грязно, крепко — нежно, облегченно — тяжко, восторженно — уныло, напряженно — вяло, пылко — досадно, нежно — сурово, безвинно — вредно, беззаботно — озабоченно, с надеждой — без-

утешно, оптимистично — безысходно. Как первый, так и второй ряд дихотомий по первым четырем качествам давал алгебраическую сумму нагрузки на фактор “оценки”, следующие четыре — на фактор “силы” и оставшиеся — на фактор “активности”.

По результатам субъективного шкалирования для каждого стимульного понятия определялись как индивидуальные, так и усредненные в региональной выборке (отдельно для каждого села, поселка, хутора) значения координатных осей или факторов и по ним графически изображались семантические пространства.

Расчеты среднегрупповых значений осуществлялись по следующему алгоритму.

1. Отбиралась группа в соответствии с заданными критериями стимульного понятия (село, поселок, зона радиации).

2. Выборка фильтровалась по частоте инвариантности ответов, т. е. сквозным образом через всю выборку просчитывалось количество встречающихся “+” по каждой градации отдельно (+3, +2, +1, 0, –1 и т. д.).

3. Определялось процентное выражение частотности представленного в ответах признака. Полученное количество “+” в той или иной градации заданной шкалы делилось на количество всех карточек (первичных протоколов) в данной выборке и частное от деления приводилось к 100% (умножалось на 100).

4. Процентное выражение признака суммировалось построчно, умножалось на коэффициент значения шкалы с учетом алгебраического знака (+3, +2 или –1, –2), а полученное произведение делилось на 4, поскольку каждый фактор слагается из четырех признаков-качеств. Полученное значение с учетом знака отражало количественную выраженность фактора по отдельно взятому критерию.

5. Полученное таким образом значение суммировалось по колонкам одноименного фактора и представляло, с учетом знака, выраженность фактора для данной выборки по конкретному критерию в отношении заданного понятия.

6. Используя цифровые значения рассчитанных трех факторов (оценки, силы и активности), строили графики семантических полей тестовых понятий в заданной системе координат. Значение фактора оценки откладывалось непосредственно на координатной оси одноименной шкалы, остальные два значения выносились в координатные пространства изометрически.

Диагностика психических состояний при помощи семантического дифференциала дает ценную информацию пограничного между сознанием и подсознанием уровня , т. е. где-то на уровне семантических структур субъективного образа мира [5]. На психосемантику субъективного образа указывает то, что значение задаваемых в тесте понятий человек оценивает осознанно, хотя и не привязывает их к содержанию конкретного смыслового текста. Осуществляется психоэмоциональная реакция личностного смысла на объективно заданное значение экологического понятия.

Своеобразие внутреннего мира человека, содержание его экологического сознания, как известно, проявляется не только во внешне развернутых формах. Внутренний мир намного богаче и определяется уровнями как осознаваемых, так и неосознаваемых, скрытых пластов психики, составляющих амодальные структуры субъективного образа-представления. Их довольно трудно внешне формализовать, поскольку проявляются они в значительной мере на уровне значащих переживаний, нередко в виде смутных и неотчетливых предпочтений, неясных и несформулированных установок. Все это имеет прямое отношение к совокупности вопросов, важных, прежде всего, для более глубокого понимания

проблем жизнедеятельности в экологически неблагоприятных условиях проживания. Как свидетельствуют наши многолетние наблюдения и экопсихологические исследования, значения и смыслы в составе психофункциональных состояний людей, проживающих в районах радиоактивного загрязнения, смещаются в эмоционально-чувственную сферу, переживаются своеобразно.

Обозначая эту часть психики в качестве предмета исследования, мы близки в ее понимании к понятийному обозначению Ф. В. Бассина, который еще в 70-е годы ввел понятие "значащие переживания". В экологической психологии данное понятие как нельзя лучше подходит для описания экологического сознания, особенно в условиях экологического бедствия.

Вслед за Ф. В. Бассиным [7] определим **"значащее переживание"** как переживание, неразрывно связанное с повседневной практикой человека, с движущими мотивами его поведения, с его основными биологическими и социальными влечениями и потребностями. Это переживания, порождаемые проблемами, отражающими широкий диапазон интуитивно постигаемых эмоций, страхов, тревоги, горя, озабоченности, как и надежд или ожиданий, способствующих выработке определенных убеждений, оценок и мнений. Однако это не оценки, мнения и не убеждения, а лишь фон, поддерживающий или ориентирующий таковые. Это состояния, связанные с принятием морально ответственных решений, сдвиги в способах восприятия, а также способ мышления, провоцируемый внутренними конфликтами напряженных или неразрешимых устремлений. Именно это внутренне интенциированное экологическим смыслом содержание сознания, которое обозначается как "значащее переживание", подлежит измерению и изучению в экологической психологии.

Обозначенный круг психических явлений, а также связанных с ними психических состояний человека находится глубоко в области подсознания. Проявляется эта часть психического не столько в содержательных или смысловых формах самопознания, сколько в предрасположенностях, установках, предпочтениях, психологических экодиспозициях.

Диагностика таких состояний адекватно обеспечивается различного рода **проективными методиками**. Из нашего опыта следует, что наиболее подходящим для этих целей психодиагностическим средством является **восьмицветный тест М. Люшера** [40].

Принято считать, что данный тест недостаточно валидный, поскольку разработан эмпирически и неоднозначен в интерпретациях. Однако при достаточном опыте практической работы с ним указанные недостатки не являются неустранимыми. Предельно возможную объективность диагностического материала можно обеспечивать еще и за счет одновременного применения других методических средств. Предпочтение цветовому тесту в экопсихологических исследованиях следует отдать еще и потому, что он имеет целый ряд весьма существенных для полевых исследований преимуществ: скоротечность диагностической процедуры обследования; полная закрытость относительно цели и содержания исследования; допустимость многократных ретестирований; отсутствие научения или привыкания; полная независимость результатов от половых, возрастных, образовательных особенностей испытуемых; независимость от навыков, способностей и склонностей людей, принимающих участие в исследовании. В пользу применения цветового теста Люшера в условиях экопсихологического исследования указывает и широкая его распространенность в практической психодиагностике.

Восьмицветный тест М. Люшера, по мнению практиков, имеет значительную диагностическую ценность, поскольку освещает сущностные стороны психических состояний именно в тех случаях, когда имеют дело с физиологическим или психологическим стрессом, — метод обращает внимание и проливает свет на его зоны.

Для непосвященного пользователя поясним **основной смысл тестирования по восьмицветной методике**, при этом сошлемся на "Краткое руководство практическому психологу по использованию цветового теста М. Люшера", предложенное В. И. Тимофеевым и Ю. И. Филимоненко (Ленинград, 1990).

В полной методике М. Люшера содержатся три субтеста. Наибольшее распространение получил один из них — второй, в котором испытуемый высказывает свое отношение к восьми разным цветам (четыре основных и четыре вспомогательных): серый цвет — 0, темно-синий — 1, зеленый — 2, оранжево-красный — 3, желтый — 4, фиолетовый — 5, коричневый — 6, черный — 7. Итак, все восемь цветов пронумерованы на обратной стороне карточек, которые покрыты соответствующим цветом однотонно (важное условие — цвет без блеска, матовый, насыщенный; обязательно используется эталонный цвет, а не любые раскрашенные пластинки, ибо интерпретация разрабатывалась автором под эмпирически подобранные цвета).

Процедура тестирования предельно проста. Перед испытуемым раскладываются все восемь цветовых карточек в произвольном порядке полукругом. Перед человеком ставится задача внимательно присмотреться к ним и выбрать наиболее предпочитаемую по цвету, а выбрав, отложить в сторону, не связывая цвет с какими-либо вещами. Далее повторяются процедуры выбора из оставшихся цветов до полного разбора карточек. В протокол записывается последовательность выбора. По

результатам повторной раскладки выполняются обработка и интерпретация, психологическая расшифровка данных. Это — стандартный вариант методики, которую предложил М. Люшер [40].

В экологическом варианте методика Люшера нами **модифицирована**. Наряду с выбором предпочитаемых по цвету карточек предлагается "разукрасить", т. е. выложить мозаику цветовыми секторами (изготовленными в той же цветовой гамме), передав в цвете символику двух понятий — "земля" и "воздух". Взяты наиболее важные категории жизненной среды, в которых пребывает конкретный человек. Для этого была заготовлена специальная матрица, в которой экосфера земли (внизу) и воздушного пространства (над ней) разделены полудугой радуги. Из предложенных восьми цветов каждого сектора предлагается выбрать наиболее подходящий, взять его из кассеты и уложить в расчерченный сектор матрицы последовательно. Таким образом получается цветовая мозаика субъективного отражения соответствующего объекта экологической действительности. Цветовая последовательность полученной мозаики фиксируется в протоколе исследования и затем подвергается психологической дешифровке и интерпретации.

В количественной обработке и анализе результатов тестирования целесообразно учитывать обе линии анализа субъективного мироощущения: как по линии общего (фонового) психического состояния в стандартной схеме теста (карточки), так и по линии экопсихологической "радуги" (в работе с секторами по "земле" и "воздуху"). В этих цветовых предпочтениях, как показывают наши исследования, отражается информация "значащих переживаний" как общего психофункционального тонуса, так и в отношении экологически важ-

ных атрибутов жизненной среды на момент обследования.

Полученные таким образом диагностические сведения являются весьма информативными и достоверными, поскольку человек, которого испытывают в тестировании, не знает, что от него ожидают получить, но даже если и догадывается, то все равно осознанно повлиять на результаты никак не может, потому что не знает психологической символики цвета. Единственное, что ему остается, — это отобрать предпочитаемые карточки и выложить сектора так, как именно лично им все это переживается, смутно или явно ощущается в отношении заданных категорий — земли и воздуха.

По ходу выполнения задания люди обычно сопровождают работу с цветом своими комментариями, высказываниями, репликами, пояснениями, иногда развернутыми монологами. Все это подробно фиксируется, хотя и не запрашивается специально, а потому имеет особо ценное значение для понимания сущности и содержания, направленности экологического сознания конкретного человека. Вся эта содержательная информация подвергается затем контент-анализу. В полевых условиях вся методика выполняется за 5—7 минут. Обработка и интерпретация материалов осуществляется на основании "Таблиц интерпретации" в соответствии с оригиналом цветового теста М. Люшера, а не по какой-то из ныне распространенных репродукций оригинального теста, которые "гуляют" в современных изданиях и переизданиях.

Для обобщенных представлений, как показывает экопсиходиагностический опыт нашей работы, целесообразно индивидуальные значения предпочитаемых выборов синтезировать по конкретной выборке на основании частотности признака по статистической "моде", сопровождаемой процентным ее выражением. Иными

словами, на основании преобладающих выборов по статистическому показателю “мода” отфильтровываются репрезентативные цвета последовательных выборов для конкретного села или региона в целом. На основании полученных рядов осуществляется описание массового экологического сознания, характерного для той или иной местности.

4.3. Психологическая диагностика экодиспозиций обыденного экологического сознания

Исследования отношения человека к различным природным объектам, выполненные в Даугавпилском университете [12, 34, 35], **основанные на дихотомической парадигме “я”—“не я”**, показали существование двух независимых и противопоставимых структур экологического сознания: с одной стороны “я и другие люди”, а с другой — остальные объекты мира (животные, растения, вещи). Автор из Латвии С. Д. Дерябо использует им же разработанную **методику диагностики степени субъектности восприятия природных объектов**. В ситуации предложенных для оценки высказываний относительно вещей и явлений предметного мира в эксперименте предлагается сделать выбор по признаку альтернативных полюсов, один из которых есть объектным атрибутом, а другой — субъектным. Например:

А. С ним можно решать общую проблему.

Б. Я не могу представить его партнером.

Таких альтернатив данной методикой задается шесть. Объекты оценивания здесь могут быть самые разные: от человека до письменного стола.

Этот экопсиходиагностический прием позволяет исследовать степень субъектности сложившегося у человека восприятия. Он также фиксирует влияние личного отношения (по терминологии автора, — референтности) на характер оценивания предметного мира: “любимое животное” и просто “животное” по-разному воспринимается и может даже противопоставляться.

Тот же **принцип дихотомии выбора** в отношении к внешнему миру использует другой латышский экопсихолог В. А. Ясвин [34, 35]. В качестве критериальной основы отношения человека к природе он принимает интенсивность такого отношения. В специально разработанном **опроснике “Натурофил”**, включающем четыре диагностические шкалы (перцептивно-аффективную, когнитивную, практическую (в нашем понимании, это позиция сотрудничества, или коллаборативная экодиспозиция) [29] и поведенческую (судя по описанию автора, это натурнализация экологического сознания), В. А. Ясвин осуществляет диагностическую дифференциацию отношения людей к природе. Он ставит цель установить диагноз преобладания в отношениях к природе эстетических и познавательных потребностей, готовности не прагматически, а практически взаимодействовать с природой или отождествлять себя с ней.

Подходы к изучению экологического сознания экопсихологов Прибалтики интересны сами по себе и больше ориентированы на концептуированные представления авторов. Реальная практика экологического воспитания ставит перед исследователями (педагогами, учителями, психологами, экологами) задачу получить в диагностике сведения о том, к какой поведенческой тенденции, экодиспозиции предрасположен конкретный человек — полезной или вредной, а может быть, никакой, индифферентной.

Наши исследования последнего времени на материале адаптации населения к последствиям Чернобыльской катастрофы, исследования в студенческих аудиториях, школах, детских садах и на взрослых популяциях людей позволили выйти на практическое видение проблемы и выделить диагностически целый ряд существенных элементов, качественных характеристик экологического в обыденном сознании. Они обычно воплощаются нами в так называемых экодиспозициях, предваряющих и предопределяющих соответствующее поведение и деятельность людей не только по отношению к природе, но и к неприродному (социальному, антропогенному, искусственному) окружению.

В наших диагностиках экологического сознания предоставляется возможность с опорой на полученный материал тестирования охарактеризовать **индивидуально-личностные экодиспозиции** испытуемых в трех направлениях:

1) какое место занимает "экология" в сознании человека: по отношению к социальным и моральным категориям, а также к "я-ценностям";

2) какое место занимают в обыденном сознании человека и как соотносятся между собой эмпирически выделенные шесть наиболее типичных для современников экологических диспозиций: совметральная (подчинять природу), совмиссийная (покоряться ее стихиям), гашенарная (наносить вред, в том числе и неосознанный), индифферентная (отстраненная позиция), несеситивная (потребительская позиция) и коллаборативная (позиция поддержки и сотрудничества с природой);

3) какими качественными особенностями отличается (характеризуется) конкретное экологическое сознание обыденного уровня конкретного человека.

Предлагаются две тестовые экопсихологические методики, которые подробно изложены в отдельной работе [29]. Здесь рассмотрим лишь основные принципы их построения и диагностические возможности. Обе методики целесообразно использовать вместе, несмотря на то, что в них использован один и тот же стимульный материал, одни и те же формулировки. Только в первой методике эти формулировки-утверждения предлагаются в открытом варианте (завершить незаконченные предложения экологической направленности на свое усмотрение), а в другой — ТЭД (тест экоценностных диспозиций) — те же формулировки снабжены вариантами возможных ответов: два из четырех по каждому утверждению нужно отклонить, как неподходящие, а из двух оставшихся выбрать в порядке предпочтительности (закрытое тестирование). Например, 10-й вопрос (из всех 23): Мне все равно, что будет в нашем обществе — капитализм или социализм, лишь бы... (в первой методике испытуемый завершает на свое усмотрение), во второй — выбирает из предложенных вариантов: а) сохранились культурные, духовные, исторические ценности; б) улучшалось материальное благосостояние моего народа; в) восстановилась природная гармония родного края; г) мне лично и моим родным в нем хорошо жилось.

Если в первом варианте, в первой методике испытуемый волен ориентировать проекции своих суждений в любую плоскость жизнебытия, не обязательно в экологическую, но и экологическую в том числе, то во второй методике — он ограничен системой заданных ценностей и согласовывает сложившиеся в его представлении доминирующие диспозиции с предложенными.

Интерпретация полученных данных осуществляется в обратной последовательности: вначале анализируется материал второй методики, т. е. характер распределения личностных ценностей (социальных, экологических,

моральных и “я-ценностей”), а затем на материале первой методики (незаконченных предложений) подробно исследуется характер экологической ориентации, разумеется, там, где она есть, где экологическая ценность (тема) проходит (используется) в свободном завершении предложений.

Во второй методике (ТЭД) кроме ценностных ориентаций диагностики выявляется и перераспределение в индивидуальном сознании **экопсихологических диспозиций:**

— **коллаборативная** экодиспозиция (от франц. *collaboration* — сотрудничество), в основе которой просматривается понимание активной сущности и живой ткани природы. Относительно такого понимания создаются условия для согласования действий и решений с закономерностями природного развития, биологических циклов, геопланетарных систем;

— **несеситивная** экодиспозиция (от франц. *necessite* — потребление, использование) — это такая стратегия человеческого видения природной среды, в соответствии с которой природа есть кладовая, а человек — в ней хозяин. Человек берет из природной кладовой все, что ему нужно, не заботясь о пополнении ее ресурсов;

— **индифферентная** экодиспозиция (от франц. *indefferent* — безразличие, отстраненность) заключается в том, что человек будто бы не замечает природу с ее законами и особенностями;

— **совмиссийная** экодиспозиция (мы ее уже определяли) — осознанная слабость человеческого существа перед силами и стихиями природы;

— **совметральная** экодиспозиция (также определялась выше) — осознанная линия аргументированного, нередко “обоснованного” укрощения природных систем

в своих интересах, насилие над природой в целях более эффективной ее эксплуатации;

— **гашенарная** экодиспозиция (от франц. *gacher* — портить, вредить, извращать) — чаще всего полуосознанная или бессознательная склонность наносить вред тем или другим природным объектам — разрушение ради забавы, подростковая жестокость или умышленная настойчивость (например, желание протянуть автомагистраль среди векового леса).

От выявления и понимания (в соотношениях) присущих данному человеку экодиспозиций диагностическое исследование в дальнейшем концентрируется на изучении того, **насколько выразительна в составе сознания именно экологическая тематика**, насколько и как представлен в нем экосенс. Такое исследование осуществляется в процессе диагностики на материале, полученном посредством первой методики, обработка которого выполняется по алгоритму своеобразно примененного контент-анализа. Этот алгоритм подробно представлен в разделе первичной обработки материалов по методике [29] и предполагает разностороннее **исследование комплицитности** экологического сознания (личностной причастности к явлениям экологии), **таймера комплицитности** (как во временной перспективе ориентировано экологическое сознание — в настоящее, прошлое или будущее), **качества комплицитной оппозиции** (устраивает ли человека то, о чем ему приходится говорить или он осуждает это, а может он устраняется от участия в этих делах — вектор-дефиниция), **активности экологического сознания**. Этот последний показатель — основа поведенческой экодиспозиции, поэтому методика позволяет развернуть ее в следующих **проявлениях**:

— **констатация** — когда есть название предметов или явлений экологического содержания, их сигнификация (обозначение, указание, экоатрибутивность по типу дефиниции, определения);

— **эмоционализация** — когда в установках на экологию доминируют духовная сущность, гармония, нравственные чувства, настроения, переживания по поводу природы и ее явлений;

— **экзоориентация** — “я” в сущности природы или явлений окружающей среды либо природные проявления относятся к человеческим формам бытия (выразительные натурнализации);

— **рационализация** — подчеркиваются знания, процессы познания, ум, взгляды, мировоззрение в отражении природных явлений, как и обязанности, развитие, здоровье связываются со средовыми особенностями жизненного пространства;

— **провиденция** (от англ. *provident* — заботливый) — заботливость или конкретная работа, бережное охранительное отношение к природе;

— **дистанциализация** — подмена человеческого участия какими-либо “правилами игры”, условными символами, искусственной подменой ценностей;

— **шкодализация** (от укр. *шкода* — вред) — чаще спонтанное, ситуативное нанесение урона или вреда окружающей среде, когда из-за стереотипности, привычки или личностной акцентуации производится негативный эффект — уничтожение или уродство, надругательство, неоправданное насилие, порча;

— **укротизация** (от рус. *укрощение*) — тенденция подчинять, укрощать природные явления и стихии. Сюда же относятся все попытки обновления, улучшения и переделки в природе в соответствии с человеческими правилами и потребностями;

— **вандализация** — осознанное и умышленное вредительство среде своего существования, враждебное отношение к ней, насилие над природным, живым.

Использование обозначенных психодиагностических критериев позволяет содержательно характеризовать экологическую сущность человеческого сознания на момент обследования.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем сущность полевого исследования в экологической психологии?
2. Какие Вы знаете типы полевых исследований?
3. Какие методы качественного анализа используются в экопсихологических исследованиях?
4. Что представляет собой анкета экопсихологического исследования и каковы правила ее составления?
5. Что такое полуструктурированное интервью в экологической психологии? Какие требования предъявляются к экопсихологическому интервьюированию?
6. Что такое экопсихологическое наблюдение, каковы его типы и особенности?
7. В чем заключается главная сущность контент-анализа как метода экологической психологии?
8. В чем сущность и каковы характерные особенности метода семантического дифференциала?
9. Какие характерные черты и какую психологическую реальность изучает метод семантического дифференциала?
10. В чем заключаются специфика и предмет исследования восьмицветного теста М. Люшера в экологической психологии?
11. Какие подходы в изучении экопсихологических диспозиций используются в экспериментальной психодиагностике экологической психологии?
12. В чем заключается принцип дихотомического приема экологической психодиагностики С. Дерябо и В. Ясвина?
13. Какие стороны экологического сознания исследуются по психодиагностической методике В. Скребца?
14. Какие экопсихологические диспозиции позволяет диагностировать тест экоценностных диспозиций (ТЭД), предложенный В. Скреб-цом?

15. В чем состоит содержательная характеристика экоценностных диспозиций? Дать их описание.
16. Какие особенности экологического сознания раскрывает для анализа диагностическая методика “Незаконченные предложения экологической направленности” В. Скребца?
17. Какая последовательность процедуры обследования и интерпретации в экопсиходиагностическом блоке исследования экологического сознания по методике В. Скребца?
18. Какое место в экопсихологическом исследовании занимают методы качественного анализа и инструментальное психодиагностическое тестирование?

Раздел V

ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ В ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ПЕРИОД

При рассмотрении вопроса об экологическом образовании и воспитании важнейшей является категория сознания человека.

Согласно терминологическому определению, **сознание** представляет собой психологическое **единство трех взаимосвязанных категорий** психики человека (см. рис. 2):

1) психического отражения естественной, социальной и искусственной среды;

2) психического отношения собственного “я” к этой среде;

3) саморефлексии и саморегуляции “я-самости” в окружающей среде существования.

Саморефлексия и саморегуляция порождаются каждый раз и в каждом случае отдельно. Точно так же отдельно и каждый раз в своей конкретике складывается **личное отношение, причастность** человека к действительности. Подчеркивая именно это качество — причастность личности к действительности, мы не только придаем сознанию экологический смысл, но и фокусируем на нем внимание при любом внешнем

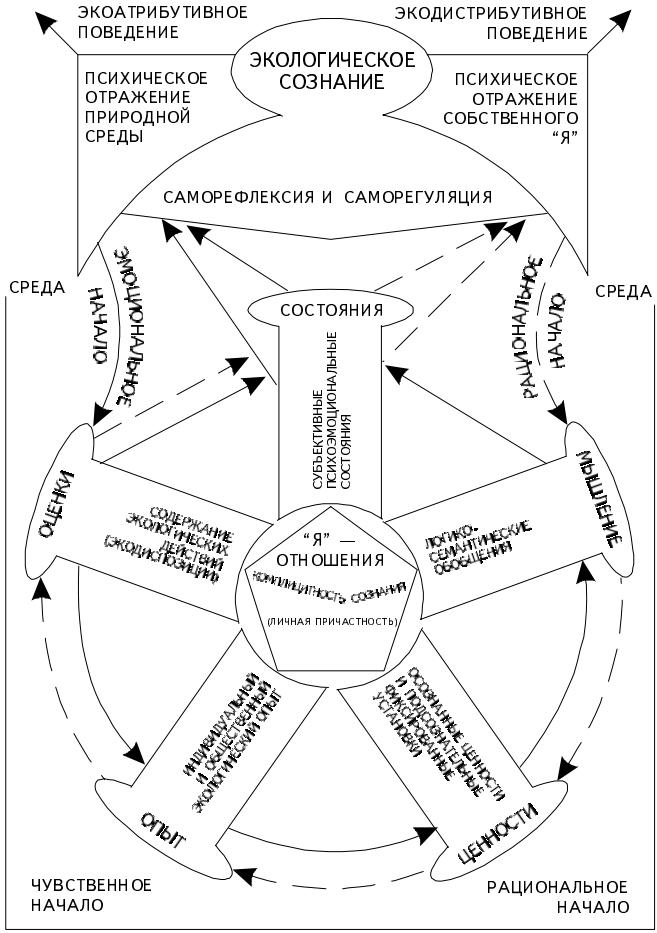

Рис. 2. *Схема естественного адаптоэкосоциогенеза обыденного сознания населения после Чернобыльской катастрофы*

(педагогическом, психологическом, информационном) воздействии. Выше уже говорилось о том, что сознание как психологическая категория, как явление человеческой психики, есть просто сознание, которое не может быть по своей природе “экологическим”, “экономическим”, “политическим” или еще каким-либо. Но сознание, как и мышление, может определяться содержанием и направленностью доминирующих отношений человека (или людей) к действительности. В таком понимании сущности экологической направленности, именно относительно экологического содержания психического отражения действительности, можно говорить об экологическом сознании.

Термин “комплицитность восприятия” (в данном случае — комплицитность экологического сознания) используется нами для того, чтобы содержательно очертить и подчеркнуть психологическую в экологическом смысле направленность третьего звена — экологической саморефлексии, а именно — механизма саморефлексии, экологически детерминированного или экоатрибутивного поведения и деятельности людей. Регулятивная функция экологического сознания не может осуществляться в отсутствие этого компонента. Таким образом, для экологического сознания, особенно экологического просвещения и воспитания, комплицитная атрибутированность психики, т. е. отношение человека и его причастность к окружающей среде в своем жизненном пространстве, — особенно важны.

Как и категория “я-отношения” к действительности **комплицитность экологического сознания** определяется и **опосредуется**, как минимум, следующими **составляющими** (показаны на рис. 2):

— субъективным состоянием человека, которое представляет собой обобщенную характеристику эмоционально-волевых процессов в совокупности с процес-

сами познания и сферы деятельности в заданном временном интервале;

— содержанием объективной действительности (экологии), но в большей степени не столько самой объективной реальностью (как она измеряется приборами), а субъективным отражением этой объективности в сознании людей. Именно этим субъективным содержанием, разумеется, исходящим от объективного, и определяется направленность (интенциированность) сознания, а последнее, собственно, благодаря этому и становится экологическим по смыслу;

— соотношением четко рефлексивных (осознаваемых) и нечетко определенных или же совсем неосознаваемых, а субъективно значимых ценностей и установок. Относительно уровней осознавания таких ценностей и само экологическое сознание, как уже говорилось, может быть имплицитным (со скрытым смыслом, неявным для саморефлексии) или эксплицитным, где есть четкие смыслосформированные, содержательно развернутые экоценностные представления;

— характером вербально-мысленного обобщения, логико-семантической интеграции, уровнем постижения разумом экоценностных представлений, т. е. характером и уровнем интеграции субъективного и объективного в понимании событий и явлений, происходящих в окружающей среде. Это способность человеческого сознания к глубинным и сущностным обобщениям, экзогенной интеграции, адаптивной целесообразности в восприятии и ментальной переработке экологической информации;

— опытом, симультанно складывающимся из субъективной карты мира (о чем уже говорилось) и навыков жизнеприспособительной деятельности.

Мы умышленно не нумеруем эти пункты, потому что все эти звенья в сознании рядоположены, а не иерархи-

зированы. Названные **три категории и пять составляющих** экологического сознания здесь представлены как обобщение, выведенное нами из экопсихологических исследований, более чем семилетних наблюдений естественного адаптоэкосоциогенеза массового и индивидуального экологического сознания населения, пострадавшего от последствий Чернобыльской катастрофы (см. рис. 2).

В процессе этих исследований было установлено, что вследствие экстремальности экологической ситуации, сложившейся после аварии на ЧАЭС, как индивидуальное, так и массовое сознание мгновенно перестало удовлетворяться "беспричастной" схемой "я-отношения" к своей жизненной среде. Из публикаций известно, что среагировало сознание людей на аварию мгновенно и залпово [23, 24], но приспособление к ее последствиям происходило очень сложно и длительно, протекало болезненно и далеко не прямолинейно.

Известно, что экстремальность экологической ситуации первых послеаварийных дней мощно сфокусировала экологическое сознание людей на психическом отражении той естественной, искусственной и социальной среды, которая образовалась, внезапно возникла. В восприятии нового состояния окружающей среды было слишком много эмоционального, поскольку происходило оно при полном незнании, отсутствии истинной информации и большом нервном напряжении. Такая саморефлексия создавала соответствующую ей саморегуляцию, где актуализировалось чрезмерно высокое психоэмоциональное состояние возбуждения. Отсюда и первая реакция людей на экологическую ситуацию — реакция эмоционально-чувственного начала (рис. 2, левый контур, стрелка сплошной линии). Эмоционально-чувственный контур саморегуляции, как самый непосредственный, хотя, очевидно, и не самый рентабельный акт приспособления, включился самопроизвольно.

Сразу после аварии именно **эмоциональное начало** стало опосредовать адаптацию. Отследим ее развитие.

СРЕДА (изменчивая и непонятная) → ОЦЕНКА (угроза) → ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ (напряжение) →

→ "Я" (в опасности) → ЭКОДИСТРИБУТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ → паника, отчаяние

Поскольку звено “оценок” в данной цепи саморегуляции, как оказалось, — категория угрожающая, прежде неизвестная обыденному сознанию и не обеспеченная информационно, то эмоциональный фон своим прорывом создает все условия для тревожной саморефлексии: “Я” — в опасности. С учетом того, что аналогичных или близких к таковым адаптивных форм поведения в опыте людей не было, а общественное сознание своими институтами науки, медицины, информации не способствовало их своевременному нахождению, то экологическому обыденному сознанию ничего не оставалось как стохастически, ситуативно и неупорядоченно, да еще под влиянием эмоционального стресса проявлять экодистрибутивное поведение — панику, уход в себя, глубокие депрессии или агрессию, неврозы. Такую форму реакции, отражающей конкретное содержание “я-отношения” на тот момент, можно отнести к форме поведения **панического типа (П-типа).**

Со временем развитие сознания данного контура саморегуляции, у которого доминировало эмоционально-чувственное начало, приходит к необходимости накапливать и расширять сферу собственных оценок в условиях новой экологической реальности. Но при отсутствии научных представлений и дефицита объективной информации люди используют доступные обыденному сознанию формы познания — слухи, догадки, интуи-

цию, применяют метод “проб и ошибок”, накапливают непосредственные эмпирические наблюдения. Благодаря этому синтезируется определенный опыт жизнедеятельности применительно к изменившимся условиям существования. Опыт приобретается как индивидуальным, так и массовым сознанием. Индивидуальные наблюдения людей постоянно пребывают в активном обмене, они синтезируются массовым сознанием своего населенного пункта, оттуда же селекционируют для себя значимые фрагменты приспособительного поведения, т. е. целесообразные паттерны эмпирического опыта. Со временем на уровне здравого смысла обыденного экологического сознания складывается прагматический остов адаптивного поведения. Процесс эмпирических, житейских наблюдений существовал всегда и он бесконечен, однако особенное значение приобретает здесь житейское наблюдение в условиях дисстрессовой дезадаптации. В процессе поиска адекватности в эмпирическом активе здравого смысла начинают ограниваться и оседать крупицы целесообразного опыта, в итоге поведение и деятельность людей становятся более устойчивыми, расширяется контур саморегуляции (состояние — оценки — опыт) и путем “проб и ошибок” пострадавшие пытаются дифференцировать экодистрибутивные формы и избегать их, все отчетливее различая экоатрибутивность. Данная фаза адаптоэкосоциогенеза обыденного экологического сознания показана на рис. 2 — третий блок книзу в цепи психологических механизмов “я”-отношения.

Экологическое сознание нового уровня саморегуляции формирует **эмпирический тип (Э-тип)** приспособительного поведения, а в составе “я”-отношения продолжают накапливаться жизненные эмпирико-прагматические ценности и смыслы. Экологическое сознание продолжает качественно их дифференцировать, учиться

у самого себя. На это уходит время, процесс продолжается до тех пор, пока количественные накопления не выходят на стадию осознания и синтеза собственного опыта и приобретенных знаний, новых ценностей — следующий блок на рис. 2 (блок логико-семантических обобщений).

С появлением ценностно-смысловой дифференциации поведение становится все более **детерминированным (Д-тип)**, все больше и отчетливее обретает черты экоатрибутивности, т. е. экологической целесообразности. Экологическое сознание уже на этой стадии получает достаточную определенность, хотя определенность эта еще не столько категориально-ценност-ная, рациональная, сколько эмоционально-эмпиричес-кая, не столько экопсихологическая, сколько адаптивно-прагматическая.

Постепенно, по мере накопления опыта и с учетом расширившегося контура саморегуляции (субъективные состояния — оценки — опыт — ценности) приспособление становится более результативным, поведение экологически атрибутированным. Однако обыденное сознание все еще пребывает под значительным влиянием неопределенности, смутных подсознательных установок, настроений, интуитивности, поэтому и жизнедеятельность не отличается устойчивостью. Характерно, что сами ценности, которые складывались и складываются ситуативно и стохастически, оказались значительно деформированными, с оттенками радиофобийной зависимости. И надо сказать, по истечении времени, когда выразительно обозначился Д-тип адаптивных реакций на последствия аварии (через 7—9 лет после нее), стали явно или неявно обозначаться две тенденции одновременно: первая — “сползание” деформированных экоценностей (т. е. радиофобийной зависимости) в глубины подсознания человеческой психики и вторая — инте-

грация, осмысление, потребность разобраться в активе приобретенного опыта выживания в изменившихся условиях.

Здесь также возникло некое противоречие или, точнее, несогласованность: общество своими институтами науки продвинулось достаточно далеко в понимании происходящего, но это на уровне научного мировоззрения, обыденное же сознание на уровне повседневной практики не может воспользоваться научной информацией, хотя и остро нуждается в ней. Поэтому в дальнейшем приспособлении экологическое сознание вынуждено обращаться к доступному на обыденном уровне здравому смыслу — анализу и синтезу, обобщениям, логической обработке всего того, что есть в опыте эмпирического, жизненного, практического. Эту стадию социальной адаптации экологического сознания в процессе приспособления к новым условиям существования можно отнести к этапу интеллектуализации или интеграции (И-тип) приобретенного опыта. Ясно, что степень выраженности интеграции экологического сознания зависит от актуализации и развития экологического мышления. Уровень обыденного мышления известен, мы его уже обсуждали.

В данном случае экологическое мышление в составе здравого смысла обыденного сознания с неизбежностью проявляет свои ограничения: опирается на эмпирические, а не теоретические фундации, ограничено в возможностях из-за необразованности его носителей, отличается ретиальностью (очаговостью) и диффузностью (разобщенностью), не сконцентрировано на проблеме и большей частью носит не организованный, а стихийный характер. В обобщениях через массовое сознание своего населенного пункта оно, как правило, узколокально, нередко предвзято и гиперотрофно в каких-то акцентах. И тем не менее, это тенденция к синте-

зу, обобщению. Для нас важно то, что экологическое сознание естественным путем, самопроизвольно, самим ходом адаптации с неизбежностью приходит к стадии логико-ценностной интеграции, к необходимости познать и понять, к осмыслению. Таким образом контур саморегуляции поведения и деятельности расширяется еще до одного блока (см. рис. 2) и обретает развернутую формулу: состояние — оценка — опыт — ценности — мышление. Поведение при этом приобретает черты экоатрибутивного.

Итак, если кратко резюмировать естественный адаптогенез экологического сознания в реакции на Чернобыльскую катастрофу, то он в своем развитии проходит ряд последовательных этапов. От начала субъективных психоэмоциональных состояний, которые, безусловно, находились под влиянием выраженной фрустрации, обыденное сознание выходило на соответствующие оценки экологической реальности. Они непосредственно влияли на дезадаптивные поведенческие формы панической ориентации — экодистрибутивное поведение. Постепенно накапливался индивидуальный и общественный экологический опыт приспособления. В составе этого опыта точно так же эмпирически очерчивались экологические ценности как в области подсознательных ориентаций, так и осознанных установок. Некоторое время полученные таким образом ценности-установки обеспечивали понимание возникшей экологической опасности. Но они не могли удовлетворять людей долго, ибо слишком неутешительными представлялись перспективы выживания. Исходя из этого обыденное экологическое сознание с необходимостью ищет логико-семантических обобщений. Они осуществляются на уровне здравого смысла, используя неподготовленное для этого мышление. Но и эти обобщения открывают более широкие возможности приспособления в изменившихся условиях

существования. Даже тогда, когда используются эмпирические, а не научные знания, даже тогда, когда они самопроизвольны и находятся под психоэмоциональным влиянием, даже тогда, когда базируются исключительно на здравом смысле. Здравый смысл в составе обыденного сознания накапливает практически оправданный и необходимый человеку в повседневной жизни опыт. Но главное заключается в том, что в экстремальных условиях у людей предыдущего опыта адаптации не было и они вынуждены были ориентироваться по обстоятельствам. Для более эффективного ориентирования в таких или подобных случаях целесообразно иметь развитое, научно подготовленное экологическое мышление. Формирование и развитие такого мышления и должно составлять основной предмет экологического образования.

Развитие культуры экологического мышления, как и процесса познания действительности вообще, станет более эффективным, если будет базироваться на современных научных знаниях, теоретических представлениях. Следовательно, предметом педагогических технологий **экологического образования** должны быть комплексные, интегрированные, междисциплинарные научные предметы естественного, управленческо-технологического, социально-педагогического, эколого-психологического и другого знания. Посредством этих знаний надлежит формировать, развивать и совершенствовать **навыки экологического мышления**. Другие звенья экологического сознания (психические состояния, субъективные оценки, ценностные ориентации, опыт), в соответствии с нашей концепцией формирования комплицитности экологического сознания, должны быть отнесены к компетенции **экологического воспитания.**

Как следует из наших материалов и обобщений, которые позволили концептуально схематизировать рис. 2, в

процессе экологического образования и воспитания сознание воспитуемого должно пройти **все обозначенные стадии, но в обратном порядке** и, конечно же, безо всяких катастроф.

На базе всестороннего научного экологического знания и культуры мышления специальными дидактическими средствами нужно формировать личностно значимые экологические ценности. Сначала они создаются на уровне осознаваемых понятий и категорий с опорой на принципы целесообразности, адаптивности, прогностичности, закрепляются в этом качестве и постепенно переводятся в стереотипные, автоматизированные формы ценностного отношения, достигая, где это возможно, уровня навыков, непроизвольных действий. Используя базу экологического мышления и смыслоценностные установки экоатрибутивного поведения, можно методично формировать соответствующий опыт, прибегая к моделированию условий существования, их вариативности. Собственно, это и будет та работа, которая создает эффект системного и целенаправленного влияния на духовное состояние человека, "окультуривание" его экологического сознания.

Объединяя линию развития экологического мышления и создавая мировоззренческие корни опытно-ценностного постижения экологии (экологическое образование), можно выработать критериальную базу субъективных оценок не только экологической действительности, но и человеческих поступков по отношению к ней. В этом плане имеет смысл прибегать к различным мониторингам, моделированию, математическому прогнозированию, решению экотематических задач, тренингам и пр. (экологическое воспитание). Все это еще на уровне программ можно было бы согласовывать не только с научными представлениями, закономерностями и логикой развития природных явлений, но и с личност-

ным, мировоззренческим контекстом, ценностными ориентациями, опытом экоатрибутивного поведения. О субъективных психоэмоциональных состояниях при этом отдельно говорить даже не приходится, поскольку они всегда будут соответствовать состоянию экологического сознания. Там, где будут адекватные представления и чувство уверенности в изменяющейся ситуации, там будет позитивное самоощущение и эффективная саморегуляция. Если достичь этого, то даже внезапность экологического события не способна вывести из равновесия ранее подготовленную психику: сознание найдет возможность сориентироваться за счет навыков саморефлексии и саморегуляции, а не за счет моделируемых ранее аналоговых случаев. В таком воспитании и развитии главное не образец или аналогия, а способность ориентироваться, т. е. ориентировочная основа экоатрибутивного мышления.

Экологическое мышление в контексте развития комплицитности экологического сознания должно удовлетворять условию выхода его за пределы ситуативно заданных проблем и проникать в сферу экологической действительности надситуативно.

Традиционно педагогика и психология рассматривают процессы мышления в связи с конкретными условиями и требованиями конкретной ситуации, конкретной задачи. В соответствии с этим аналитико-синтетическая деятельность осуществляется в диапазоне соотношения полученного результата и условия задачи с переходами на новые этапы, с поиском и применением новых форм, но при сохранении схемы. Выход за пределы заданной проблемной ситуации в этой методологической парадигме невозможен, поскольку в рамках традиционного подхода невозможна смена самого предмета анализа. Мышление в этом случае конвергентное, ситуативное,

репродуктивное, т. е. такое, от которого не ожидается "спонтанного открытия".

Затянувшийся кризис в решении проблемы творческого мышления находит альтернативу в методологическом плане концепции дивергентного мышления Дж. Гилфорда [36, 37]. В соответствии с этой концепцией **дивергентность мышления** определяется как склонность мыслить в разных направлениях, что удовлетворяет ожидаемому явлению выхода в более широкое пространство. Гилфорд усматривает в дивергентном мышлении такие его возможности, которые обеспечивают "боковое", побочное, или латеральное, видение проблемы. По мнению автора, классические представления об индуктивном и дедуктивном мышлении не могут удовлетворить или обеспечить дивергентность, поскольку базируются исключительно на законах логики и используют ассоцианизм памяти. Именно поэтому оно не может допускать изменчивости или дополнительности самого предмета мышления.

В отличие от такого (конвергентного) мышления, Дж. Гилфорд предлагает другую модель — дивергентное мышление. В экологической психологии вполне уместны идеи Гилфорда о дивергентности мышления, такой его модели, в которой мыслительный процесс не зажат рамками образца, а способен расширять горизонты видения проблемы "в пространстве", т. е. усматривать кроме проблемно очерченных еще и другие стороны явления. Тем и ценна идея Гилфорда для развития экологического мышления, что она предлагает такую интеллектуальную деятельность, благодаря которой открытие нужного решения возможно лишь при условии выхода за пределы заданных проблемой требований в область "вокруг", "около", "в связи", "по поводу" и т. д.

Именно эта идея Гилфорда относительно принципиальности выхода дивергентного мышления за пределы эксплицированной ситуации в имплицитную ее плоскость представляет ценность для нашей концепции, поскольку реализует разноплановые формы проявления как экологического мышления, так и экологического сознания. Впрочем, она содержательно ориентирует развитие экологического мышления за счет интеграции системных знаний природоведческих учебных дисциплин в область их экологической имплицитности.

Экспликация как развертка, дробная детализация природоведческих химико-биологических или физико-географических дисциплин в их дискретности обнаруживает себя в учебном процессе со всей своей очевидностью.

Дискретность учебных дисциплин состоит в том, что в них раскрывается содержание природного единства по форме и по существу его отдельными частями дискретно, инвариантно, нередко изолированно. Именно так представлены все научные дисциплины в учебном процессе, по-другому нельзя. В действительности же, в реальной жизни рассматриваемые значения, как и сами явления, изучаемые учебными предметами, существуют имплицитно — сродненно, логично и гармонично, во взаимосвязях и взаимных зависимостях — таких глубоких, что их нельзя разъединить. Выделяются они искусственно и лишь ради дидактических целей.

Но если каузальную имплицитность эколого-природоведческих явлений понимать (изучать) отдельно, то и представления (знания) об их предметности чаще всего (без специальной обработки) отражаются в составе сознания дискретно, изолированно, отдельно, эксплицитно. Поэтому одной из наиболее важных методологических и психолого-дидактических задач создания комплексных программ экологического образования и вос-

питания в соответствии с нашей концепцией является экологическая импликация предметно эксплицитированных дисциплин природоведческого и общественно-гуманитарного циклов. Не столько комплексность, сколько именно породненность предметов с экологической их сущностью должна войти в основу создания таких программ. “Надситуативность”, внутреннее родство, имплицитность в самой своей исходности — питательная почва для развития дивергентного экологического мышления. Это и должно стать основной целью экологического образования и воспитания в будущем. Именно благодаря обозначенной надситуативной экологической идее, дивергентности экологического мышления, имплицитности научного знания в составе человеческого сознания психика будет в состоянии не только реализовать свою адаптивную функцию в изменяющихся экологических условиях существования, но и обеспечить этим условиям относительную стабильность и восстановление.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Экопсихологическая структура сознания: три категории и пять составляющих экологического сознания. Раскрыть их сущность.
2. Психологические составляющие понятия “комплицитность экологического сознания” как методологическая основа экологического образования и воспитания.
3. Чему научила нас Чернобыльская катастрофа? Как изменилось отношение людей к своей жизненной среде?
4. Какой контур психической саморегуляции стал доминировать в адаптации к последствиям Чернобыльской катастрофы на первых порах?
5. Какие стадии адаптогенеза проходит обыденное экологическое сознание в дистрессовой постчернобыльской ситуации жизнедеятельности?
6. Какие тенденции адаптогенеза экологического сознания наметились в его развитии по истечении 10 лет после аварии на ЧАЭС?

7. Закономерно или случайно то, что обыденное сознание в своей экологической адаптации приходит от эмоционального начала к рациональному?
8. Психолого-дидактическое значение этапности адаптивного эволюциогенеза экологического сознания в постчернобыльский период для концептуального решения вопроса экологического образования и воспитания. Обосновать теоретически.
9. Что общего и в чем различия между предметом экологического образования и предметом экологического воспитания в концептуальной парадигме комплицитности экологического сознания?
10. Какое экологическое мышление по существу должно сложиться в системе экологического образования постчернобыльской эпохи?
11. Какие дидактические изменения ожидают педагогику в связи с формированием и развитием дивергентного экологического мышления?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аболин Л. М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987.— 262 с.
2. *Абрамова Ю. Г.* Психология среды: источники и направления развития // Вопр. психологии.— 1995.— № 2.— С. 130—136.
3. *Абульханова-Славская К. А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн.— 1994.— Т. 15.— № 4.— С. 39—55.
4. *Анциферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и техники ее бытия // Психол. журн.— 1993.— Т. 14.— № 2.— С. 3—16.
5. *Артемьева Е. Ю.* Психология субъективной семантики.— М.: Изд-во МГУ, 1980.— 128 с.
6. *Бабій Л. Т.* Діалектика розвитку історичних типів культури: філософсько-соціологічні проблеми.— Львів: Світ, 1991.— 157 с.
7. *Бассин Ф. В.* "Значащие" переживания и проблема общественно-психологической закономерности // Вопр. психологии.— 1972.— № 3.— С. 105—124.
8. *Браус Д., Вуд Д., Герман М., Вилсон Э.* Экологическое образование в школе: Главы из книги.— К.: Инф. агентство "Эхо-Восток", 1995.— 60 с.
9. *Брутян Г. А.* Актуальные проблемы теории аргументации // Филос. науки.— 1991.— № 5.— С. 17—19.
10. *Вилюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений.— М.: Изд-во МГУ, 1976.— 143 с.
11. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: В 6 т.— М.: Педагогика, 1982.
12. *Дерябо С. Д.* Антропоморфизация природных объектов // Психол. журн.— 1995.— № 3.— С. 61—69.
13. *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений.— М.: Высш. шк., 1996.— 352 с.
14. *Костюк Г. С.* Про предмет і завдання психології // Наук. записки НДІ психології. Питання загальної психології.— К., 1956.— Т. IV.
15. *Кравченко С. М., Костицький М. В.* Екологічна етика і психологія людини.— Львів: Світ, 1991.— 104 с.
16. *Куратова Т. С., Грубінко В. В., Скребець В. О.* Концепція підготовки вчителя хімії та екології // Зб. ст., присвяч. 80-річчю Чернігів. пед. ін-ту.— Чернігів, 1996.— С. 132—143.
17. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики.— М.: Мысль, 1965.— 570 с.

18. *Леонтьев А. Н.* Психология образа // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология.— 1979.— № 2.— С. 3—13.
19. *Леонтьев Д. А.* Субъективная семантика и смыслообразование // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология.— 1990.— № 3.— С. 33—42.
20. *Лурия А. Р.* О месте психологии в ряду социальных и биологических наук // Вопр. философии.— 1977.— № 9.— С. 68—77.
21. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию.— М.: Прогресс, 1990.— 365 с.
22. *Мансуров Н. С.* О системообразующих понятиях общественной психологии // Методол. пробл. социальной психологии.— М., 1975.— С. 17—31.
23. *Моляко В. А.* Психологические последствия Чернобыльской катастрофы // Психол. журн.— 1992.— Т. 13.— № 1.— С. 135—146.
24. *Моляко В. А.* Формирование образа экологической катастрофы на примере Чернобыльской атомной аварии // Вопр. психологии. — 1992.— № 5—6.— С. 16—22.
25. *Петухов В. В.* Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология.— 1984.— № 4.— С. 13—21.
26. *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий.— М.: Высш. шк., 1984.— 174 с.
27. *Раппопорт А.* Системный подход в психологии // Психол. журн.— 1994. — Т. 15. — № 3. — С. 3—16.
28. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии.— М., 1946. — 704 с.
29. *Скребець В. О.* Екологічна свідомість: історичний розвиток, сучасний стан, психологічна діагностика: Наук.-метод. посібник.— Чернігів, 1997.— 66 с.
30. *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ.— М.: Феникс, 1994.— 688 с.
31. *Смирнов С. Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения.— М.: Изд-во МГУ, 1985.— 231 с.
32. *Узнадзе Д. Н.* Психология установки. — М., 1968.
33. *Черноушек М.* Психология жизненной среды: Пер. с чеш.— М.: Мысль, 1982.— 174 с.
34. *Ясвин В. А.* Особенности личностного отношения к природе в подростковом и юношеском возрасте // Вопр. психологии.— 1995.— № 4.— С. 19—28.
35. *Ясвин В. А.* Исследование структурных характеристик личностного отношения к природе // Психол. журн.— 1995.— Т. 16.— № 3.— С. 70—73.
36. *Guilford J. P.* Intellectual Factors in Productive Thinkink // Explovations in Geativity.— N-Y., 1967.— P. 95—107.
37. *Guilford J. P.* The Analisis of Intelligence.— Mc. Grow-Hill, 1971.
38. *Kelly G. A.* The Psychology of Personal Constructs.— N-Y.: Norton, 1955.
39. *Osgood Ch. E.* The nature and measurement of meaning // Psychol. Bull.— 1952.— V. 49.— P. 192— 237.
40. *Luscher M.* The Luscher colortest.— L.-Sydney, 1983.— 207 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Предмет и научные связи экологической психологии 3
1.1. Экологическая психология как наука..... 3
1.2. Понятия и принципы экологической психологии 12
1.3. Объективное логико-диалогическое знание и эмоция в экологической психологии 19
Раздел II. Категория экологического сознания — ключевое понятие экологической психологии..... 28
Раздел III. Психологические и этнопсихологические основы формирования экологической психологии..... 53
3.1. Субъективный образ мира — основа методологии и теоретическая база экологического сознания 53
3.2. Экопсихологические корни украинской национальной культуры и ментальности..... 74
Раздел IV. Исследование экологического сознания методом психодиагностических измерений..... 90
4.1. Методические возможности и средства психодиагностики экологического сознания. Методы сбора и анализа смысловой экопсихологической информации..... 90
4.2. Методы и организация инструментального экопсихологического исследования 102
4.3. Психологическая диагностика экодиспозиций обыденного экологического сознания..... 114
Раздел V. Экопсихологический подход к экологическому образованию и воспитанию в постчернобыльский период 123

Список использованной и рекомендуемой литературы..... 140

Навчальне видання

СКРЕБЕЦЬ Василь Олексійович

ЕКОЛОГІЧНА ПСИХОЛОГІЯ

Навчальний посібник

Educational edition

SKREBETS, Vasyl O.

ECOLOGICAL PSYCHOLOGY

Educational manual

The manual presents contemporary scientific data from a new sphere of psychology — ecological psychology. It's the author's conception of this sphere of scientific knowledge, which has formed in the process of long-standing empirical and theoretical research of the problem as for adaptogenesis of ecological conscionsness of population, which hab suffered from the conseguences of Chernobyl catastrophe.

Categorial generalization of existing data in ecological psychology is given.

Much attention is paid to the study of fundamental definitions and concepts.

For students of IRAPM, lectureres, practical psychologists, social workess, managers.

Редактор *Г. М. Шевченко*
Коректори: *О. М. Грибаков, А. Ф. Луговська*
Комп'ютерна верстка *Н. С. Лопач*
Оформлення обкладинки *О. В. Овчинніков*

Підписано до друку 06.10.98. Формат 70×100 $^{1}/_{32}$. Папір офсетний.
Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 6,0. Тираж 5000 прим. Зам. № 8-271

Міжрегіональна Академія управління персоналом (МАУП)
252039 Київ-39, вул. Фрометівська, 2, МАУП
АТЗТ "Книга" 254655 МСП Київ-53, вул. Артема, 25